

ЦЕНТР ПРОБЛЕМНОГО АНАЛИЗА
И ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО
ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Сергей Кара-Мурза

**КРИЗИСНОЕ
ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ**

Часть вторая

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Кризисное обществоведение.
Часть вторая. Курс лекций

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936875

*Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть вторая. Курс лекций: Научный эксперт;
Москва; 2012*

ISBN 978-5-91290-142-3

Аннотация

Эта книга – лекции 2-го семестра курса введения в кризисное обществоведение. В них дается описание и прикладной анализ проблем, возникших в ходе кризиса государства и общества постсоветской России. Изложены основные положения доктрины реформы, последствия ее реализации и главные угрозы для России, порожденные в ходе трансформации прежнего жизнеустройства.

Предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей в социальных и гуманитарных науках, а также для широких кругов интеллигенции, думающих о путях выхода из кризиса.

Содержание

Лекция 1. Вводная	4
Лекция 2	12
1	12
2	17
3	20
4	24
5	27
Лекция 3	30
Приложение	40
Лекция 4	41
Лекция 5	52
Сохранение народа и жизнеспособность государства	56
Доктрина демоса и охлоса	58
Раскол народа: богатые и бедные	62
Приложение	64
Лекция 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Кризисное обществоведение.

Курс лекций. Часть вторая

Лекция 1. Вводная

Общие проблемы кризисного обществоведения России

Эта лекция – краткое резюме первой части курса, вводящее в проблематику *современного* (с момента перестройки до настоящего времени) кризиса *нынешней России*.

Понятием «нынешняя Россия» мы обозначаем Российскую Федерацию – ту часть *исторической России*, которая оформилась как новое государство на территории РСФСР после ликвидации СССР. Это уточнение необходимо, потому что РФ – это именно *часть* России, оторванная, как и другие постсоветские республики, от *целого*, которое складывалось в течение нескольких веков. И травма этого отрыва, и неполнота всех систем оторванных частей являются важным фактором современного кризиса, и воздействие этого фактора будет чувствоваться еще долго. Игнорировать его обществоведение не может, это важная часть анализа всех «срезов» бытия постсоветских обществ.

Однако все время мозолить глаза этим обозначением не будем, история продолжается, и нынешняя Россия обустраивается как новая целостность, хотя и тяготеющая к интеграции со своими «родственными» постсоветскими частями. Поэтому будем называть ее «Россия», лишь в необходимых случаях указывая на ее переходное состояние.

Кризис, в который втянулась Россия в конце XX века, называют *системным*. Это значит, что повреждены все системы страны. Более того, повреждены или «работают в нештатном режиме» все элементы и связи всех систем страны – она *больна*. Кризис – особый тип бытия, в этом его действительно можно уподобить болезни человека. Как и болезнь, его надо изучить, поставить диагноз, выбрать лекарства – и лечить. Лечить осторожно, стараясь не навредить, регулярно корректируя ход лечения. Как и в медицине, основное знание для лечения носит *научный* характер, хотя и «народные средства» надо использовать – осмотрительно. Как в общем знании о человеке выделяют медицинскую науку, так и в обществоведении надо выделять его особый раздел (или, точнее, «срез») – *кризисоведение* или, привычнее, *кризисное обществоведение*.

Кризис как объект исследования тоже надо рассматривать как систему. Процессы в ней по большей части нелинейны, по достижении критических порогов легко переходят в режим самоускорения и подкрепляют друг друга, вступают в кооперативное взаимодействие с *синергическими* эффектами, иногда очень сильными. Мысленно мы и осваиваем колоссальный кризис России как систему, рассматривая разные его «срезы». Но его интегральную, многомерную рациональную модель сложить в уме пока трудно, приходится довольствоваться художественными образами и опираться на «мышечное» мышление.

Уже с языком для описания образа этой модели дело обстоит плохо – страшно назвать вещи «своими именами», т. е., адекватными метафорами. Приходится ограничиваться эффемизмами. Говорим, например, «кризис легитимности власти». Разве это передает степень, а главное, *качество* того отчуждения, которое возникло между населением и властью? Нет, перед нами явление, которого Вебер не мог себе и вообразить. Разработка аналитического языка для изучения нашей Смуты – большая задача, а к ней почти еще не приступали. Надо

хотя бы наполнять термины из общепринятого словаря западного обществоведения нашим содержанием. Ведь почти все понятия, обозначаемые этими терминами, нуждаются в «незамкнутых» определениях, требуют большого числа содержательных примеров из реальности именно нашего кризиса.

Очень трудно в привычном подходе к кризису как «нормальной» системе избежать ошибок *divisio* – очень важного для нашей темы типа. Это – неправомерное разделение системы, при котором разделяемые части теряют свое качество, свои «жизненные силы». Мы видим перед собой не «организм», а расчлененные части «трупa». Это – тоже необходимый этап познания, но на нем никак нельзя останавливаться. Типичный пример такой ошибки *divisio* – представление нашего кризиса как *экономического*.

Еще в начале 1990-х годов, когда Е.Т. Гайдар или Н.П. Шмелев объясняли стремительное погружение России в кризис, привлекая монетаристские теории или поминая «кривые Филлипса», это казалось даже издевательством. О чем они говорили? Казалось очевидным, что хозяйство было парализовано рядом мощных ударов во все невралгические точки государства и общества, инфляция или бартер – лишь симптомы тяжелого поражения всего организма. Рассуждения тех политиков и экспертов казались злонамеренными попытками уйти от сути, отвлечь от главного. Но ведь этот дефект мышления был присущ всему обществу, включая оппозицию, которая эти реформы критиковала.

Чувствовалось, что не так страшны сами по себе спад производства, массовое обеднение или рост преступности, как та сила, которая рождалась при их взаимодействии. Чувствовали, но объяснить и оценить это новое системное качество не умели. И сейчас эта методологическая проблема не решена – ни в государстве, ни в обществе. Над ней надо работать. Нынешняя Россия – система в неустойчивом равновесии. В ней одновременно идут процессы распада и укрепления. Куда качнутся весы, зависит и от власти, и от всех нас. В большой степени зависит от научного обеспечения. В чем сложность нашего положения? Прежде всего, в том, что все мы – частицы этого самого больного общества (государства, хозяйства, культуры и пр.), которое обязаны изучить *беспристрастно*. И все мы находимся в «кипящем слое» событий, которые не могут оставить нас равнодушными – речь идет о судьбе нашей страны и наших близких, за которых мы отвечаем.

Нам нужно достоверное знание, но мы поневоле смотрим на события через призму добра и зла, через фильтр тех ценностей, которым мы привержены. Знание, которое достигается при таком взгляде, сопряжено с нравственными ценностями. Оно не является объективным, это знание не научное. На нем основана нравственная позиция личности, оно необходимо, но не достаточно для рационального выбора. Для эффективного познания общественных процессов требуется достоверное знание – знание о «том, что есть», а не о «том, что должно быть». Разделить оба типа знания очень трудно, но научиться этому необходимо.

Для этого и требуется создать «новое обществоведение» научного, даже «инженерного», типа. Овладение научным методом в приложении к общественным явлениям вовсе не значит ухода от проблемы добра и зла и нравственного релятивизма. Обществоведение и возникло как *критический* анализ социальной реальности. Исследователь всегда идентифицирует себя или солидаризуется с какой-то социальной группой, исходит из какой-то нравственной позиции. Но, если он ищет достоверное знание, он должен уметь в ходе анализа отставить в сторону свои симпатии и предпочтения, подобно тому, как врач, движимый сочувствием и состраданием к больному, обязан поставить *верный* диагноз. Для этого его обучают трудному профессиональному навыку разделять две сферы: ценностей и знания, не упуская ни одной из виду, но и не смешивая их.

Если не выработать надежных приемов разделения рационального знания и нравственных ценностей, мы не преодолеем того состояния, которое тяжело переживалось в 1990-е

годы. Тогда произошло резкое разделение общества именно по *ценностным* установкам – вопреки логике, расчетам, разумно понятным интересам. Люди умные и образованные, давно друг друга знавшие и уважавшие, вдруг перестали друг друга понимать – до такой степени, что подозревали друг друга в аморальности и глумливости. Не верили, что собеседник может всерьез говорить такие вещи и отстаивать такие позиции.

Одни, впад в рыночный энтузиазм и уверовав в демократические ценности Б.Н. Ельцина и Г.Х. Попова, с возмущением слушали проклятья в адрес приватизации или ликвидации СССР. У них не укладывалось в голове, что кто-то из честных граждан мог отвергать такие благородные действия. Их оппоненты, в свою очередь, тоже не верили, что они искренне могут радоваться ликвидации СССР и колхозов или бесплатного здравоохранения. «Как ты можешь восхищаться Столыпиным?», – пытались они вразумить друга-демократа. При этом речь шла о людях совершенно одинакового социального статуса с почти неразличимым личным опытом. Никаких классовых противоречий! Не могло бытие определить сознание, вызвать его расхождение на диаметрально противоположные позиции! Требовалось изучить этот непонятный феномен методами беспристрастной науки, но ее поблизости не было.

Какие-то спонтанные попытки были после драматических событий 3–4 октября 1993 года. Были случаи, когда близкие друзья оказывались буквально на разных сторонах баррикады и потом наблюдали залпы танковых орудий по Дому Советов и узнавали о гибели своего любимого и уважаемого коллеги. И через пару дней они встречались в узком кругу и вспоминали шаг за шагом свою почти совместную жизнь – школу, родной факультет, целину и трудные походы, где согревали друг друга в палатке, лабораторию и счастье общего научного порыва 1960-х годов. Вспоминали, чтобы установить, в какой точке и почему стали расходиться пути их духовного восприятия жизни – так, что к 1993 году разошлись на 180°. Что произошло в этой точке, почему это поразило одного и никак не подействовало на другого? Что потом подталкивало к такому повороту и толкнуло пойти 3 октября к зданию Моссовета по призыву Гайдара, который даже обещал «раздать автоматы»? Вспоминали тяжело и честно – хотели *знать*. Были подавлены тем, что не вспомнили никакого голоса свыше, никакого озарения типа того, которое сбросило с коня Савла и превратило гонителя христиан в апостола Павла. Не было ничего такого, чего бы все мы не знали. Это угнетало и подавляло – как сложно распутать клубок причинно-следственных связей, который наматывался буквально у всех на глазах.

Те беседы не привели к позитивному результату, но позволили хотя бы смутно сформулировать проблему и начать о ней упорядоченно думать. Они запомнились и, как сейчас видится, подтолкнули, среди множества других подобных эпизодов, к постановке задачи – создать *кризисное обществоведение*. Поставить задачу и собраться на ее выполнение – разные вещи. Для реализации этой задачи мы созрели после 1999 года, когда закончился период «бури и натиска» и стало можно хоть наполовину углубиться в работу, содержащую элементы научного метода.

К середине 1990-х годов стало ясно, что требуются методологические разработки для описания, а потом анализа взаимовлияния идеалов и интересов людей и групп в кризисном обществе. То, что мы наблюдали, не укладывалось в привычные схемы ни исторического материализма, ни либеральных теорий. Возникли странные конфигурации.

И российских обществоведов, и американских советологов мучил вопрос: почему же рухнул брежневский социализм? Ведь не было ни репрессий, ни голода, ни жутких несправедливостей. Как говорится, «жизнь улучшалась» – въезжали в новые квартиры, имели телевизор, ездили отдыхать на юг, мечтали о машине, а то и имели ее. Почему же люди поверили Горбачеву и бросились ломать свой дом? Почему молодой инженер, бросив свое КБ, со счастливыми глазами продавал у метро сигареты? Почему люди без сожаления отказа-

лись от системы бесплатного обеспечения жильем – ведь многих ждала бездомность? Это явление требовалось понять. После выборов лета 1996 года Н.И. Рыжков сказал: «Мы не двинемся дальше, пока не поймем, почему безработные ивановские ткачихи проголосовали за Ельцина». Золотые слова. Но сказал – и замолчал. Ни профессора из КПРФ, ни РУСО (Ассоциация «Российские ученые социалистической ориентации») выяснять этот вопрос не стали, а вернулись к формулам классового подхода. А на деле общество за тридцать лет стало иным, оно расщепилось не по классовым признакам, а по культурным, точнее, мировоззренческим. Этих сдвигов не то чтобы не замечали, им не придавали значения. Но разве положение с исследованиями этих структурных сдвигов изменилось?

Новым важным измерением в этой структурной трансформации стала смена поколений. Подростки и молодежь 70–80-х годов XX века были поколением, не знавшим ни войны, ни массовых социальных бедствий, а государство говорило с ними на языке «общинного крестьянского коммунизма», которого они не понимали, а потом стали над ним посмеиваться. Возник конфликт поколений, в 1980-е годы переросший в «холодную войну». Опереться на общее знание, чтобы вести диалог, не могли. Неявное знание стариков не было переведено на язык новых поколений, а формальное знание общественной науки, даваемое через образование и СМИ, было неадекватно реальности и главных вещей не объясняло.

Положение осложнялось тем, что советское общество находилось под сильным давлением *манипуляции сознанием* со стороны противника в «холодной войне». За время после I Мировой войны общественная наука США вела интенсивные исследования и разработки методов воздействия на массовое сознание. На основе этих разработок сложились новые технологии информационно-психологической войны. Советское общество и государство не были готовы к противодействию этим технологиям. Не готовы и постсоветские общества и государства – не хватает научной базы. Да и не только постсоветские, мы видим, как беззащитны перед этими боевыми средствами, например, арабские страны. Модернизация обществоведения – императив для всех незападных культур.

Изучение нашего кризиса изнутри – занятие трудное. Наше общество больно почти в буквальном смысле слова. Подходить к нему даже доброжелательному наблюдателю надо осторожно, ведь навредить можно и словом. Опираясь на материал первой части курса, можно сказать, что общество нынешней России можно определить как традиционное общество, лишившееся своих устоев и неспособное атомизироваться, чтобы породить внутри себя структуры общества гражданского. Это как монархия, лишившаяся благодати при том, что народ неспособен ее свергнуть. Государство наше тоже переживает трудные времена – оно утратило контроль за многими процессами, сильно ослаблено коррупцией, но утешает себя иллюзией власти и высоких рейтингов. Хорошо еще, что в госаппарате есть сердечник – группа людей, мыслящих прагматически и следующих здравому смыслу. Они «подмораживают» кризис, не давая ему выплеснуться за красную черту, но не могут предложить проект, способный «собрать» дееспособное ядро общества.

В условиях общего кризиса индустриальной цивилизации долго существовать такому больному обществу и государству не дадут. Его ресурсы будут растаскивать «друзья и партнеры». Недаром в идеологию глобализации встроены такие идеи, как «война цивилизаций», «неудавшиеся государства» и «страна-изгой». В разных формах они готовят мировое общественное мнение к ликвидации системы международного права и к захвату ресурсов «неудавшихся государств» мировым сообществом (т. е. «развитыми демократическими странами»).

Эти противники России в «холодной войне цивилизаций» имеют хорошее прикладное обществоведение, изучающее все слабые точки незападных культур и государств, и непрерывно совершенствуют оружие информационно-психологических войн. Даже сильные по традиционным меркам армии легко разлагаются, а элиты и генералитет подкупаются. Раз-

работан широкий спектр способов создания в обществе противника хаоса – и в сфере сознания, и в хозяйстве, и в системе управления. Быстро создаются в лагере противника необычные (если надо, коротко-живущие) общности – от политизированных футбольных фанатов до террористов. Нынешняя Россия против всех этих средств тоже укреплена весьма слабо.

Не готово наше обществоведение и к тому, что в последние десятилетия западные технологии информационно-психологического воздействия переориентированы с социальных отношений на этнические.

Мобилизуется не социальное недовольство, протест или бунт, а политизированная этничность (в широком смысле слова). Разработчики и исполнители подрывных операций обращаются не к рациональному сознанию и расчету, а к чувству и подсознанию. Идеологическая подготовка войны в Ираке или Ливии, предварительной дестабилизации Сирии практически не использует риторику социальной несправедливости, и все многолетние усилия режимов этих стран по развитию экономики и преодолению бедности нисколько не мешают подорвать легитимность этих режимов.

Обществоведение, проникнутое экономизмом, не могло разглядеть такую угрозу. Так же и постсоветская Россия оказалась без адекватного научного обеспечения, чтобы противостоять технологиям мобилизации «бунтующей этничности». Пока что критические ситуации разрешаются благодаря остаткам советской культуры и здравому смыслу населения и госаппарата, но эффективность этих ресурсов недостаточна. Это – вызов молодому обществоведению.

Можно легко парализовать даже крупные государства, просто организовав небольшие группы «мирного населения» для «ненасильственных действий» против власти (диктатора, авторитарного режима и пр.). Эти «ненасильственные действия» дестабилизируют страну, но традиционные средства наведения порядка сразу ставят в «мировом мнении» политический режим вне закона. Его называют преступным за «репрессии против мирного населения», и если он пытается сопротивляться, в страну совершается «гуманитарная интервенция».

Разработаны способы создания «виртуальных» субъектов политики. Система мировых СМИ, в которой главную скрипку играют США, практически исключившие из эфира всякие альтернативные источники информации, может назвать любую собранную наспех общность «народом» (например, «народом Ливии»). И государство сразу лишается права использовать легитимное насилие против этой общности, совершающей любые провокации, вплоть до вооруженных. С помощью этой недорогой операции национальное государство моментально лишается суверенитета, его можно подвергать массированным бомбардировкам, можно засылать в его столицу спецназ для уничтожения правителей и их близких, устрашения населения, разрушения инфраструктуры и пр. Возмущенный насилием власти «народ» вооружается, снабжается инструкторами и превращается в «повстанцев». Перед телекамерами они ездят на автомобилях, стреляют в воздух и показывают «козу». Этого прикрытия достаточно для интервенции. Политические спектакли постмодерна требуют системного рационального описания и объяснения – это срочная задача обществоведения. Такие спектакли меняют ход мировой истории и закономерности важнейших общественных процессов.

Все эти детали нового состояния объекта обществоведения подтверждают тезис о том, что в познании кризисного общества мало проку от идеологизированного обществоведения. Рассмотреть необычную реальность можно, только освободившись от фильтра партийных предпочтений и перейдя на язык однозначных понятий. Этот язык покажется грубым и примитивным, но сейчас он приведет к более верным выводам. Партийные установки и ценности надо прилагать на следующем этапе, при обсуждении альтернативных вариантов *разрешения* проблемы.

Как уже говорилось в первой части курса, одна из важнейших слабостей постсоветского обществоведения – сдвиг от реалистичного сознания к сознанию аутистическому. Одним из следствий этого сдвига стало распространенное убеждение, что «*неправильное – не существует*». При этом правильное и неправильное различаются согласно шкале ценностей, с которой обществовед подходит к проблеме. В 90-е годы XX века этот подход господствовал, беспристрастный взгляд на вещи считался почти неприличным во всех противоборствующих лагерях.

Но и сейчас мало что изменилось, на это отступление от норм рациональности почти не обращают внимания. Приведу совсем недавний пример. В этом самом зале состоялся семинар на важную тему – о состоянии стратегического планирования в РФ. Доклад делал очень уважаемый видный экономист из РАН, известный своим критическим взглядом на экономическую политику реформ. Он дал рабочее определение стратегии экономической системы как «комплекса взаимосогласованных решений, оказывающих *определяющее воздействие* на все направления деятельности данной системы и имеющих *долгосрочные* и *труднообратимые* последствия». Возражений оно не вызвало. Исходя из этого определения, докладчик обосновывал тезис, что в нынешней экономической политике стратегическое планирование отсутствует. Затем следовали конструктивные предложения о том, как надо было бы организовать стратегическое планирование, какие нормативные документы надо для этого принять, какие ритуалы надо соблюдать, представляя стратегию публике и т. д.

Доклад был принят аудиторией, состоявшей из видных экономистов и экспертов, с одобрением. Действительно, доклад был полезный и интересный. Но я скажу о приведенном выше тезисе. Он явно противоречит реальности.

Можно ли сказать, что в России после 1991 года *не было* «комплекса взаимосогласованных решений, оказывающих *определяющее воздействие* на все направления деятельности экономической системы и имеющих *долгосрочные* и *труднообратимые* последствия»? Никак нельзя этого сказать! Очевидно, что вся система действий, за двадцать лет кардинально изменившая огромную страну, не могла не иметь под собой стратегической доктрины. Исходный тезис доклада просто неправдоподобен. Более того, поскольку вся эта система действий была когерентна и исключительно эффективна, надо признать, что и организация стратегического планирования была эффективной и новаторской. Другое дело, что она была непривычной для нашего обществоведения и даже для всего общества. И, судя по всему, она противоречила тем представлениям о *хорошей* стратегии, которых придерживался лично докладчик и с которыми была солидарна почти вся аудитория. Но оценка разных стратегий развития России – совсем другая тема!

В докладе, отвечающем нормам рациональности и беспристрастности, для раскрытия поставленной темы требовалась реконструкция того стратегического планирования, *которое имелось в реальности*, – реконструкция как его доктринальной основы и целеполагания, так и организационных принципов. Но у нас до сих пор бытует предрассудок: если нет Госплана и Политбюро, значит, нет и стратегического планирования, хотя все мы слышаны, какие стратегические программы глобального масштаба планировались в неких масонских ложах или закрытых клубах, как эффективно они реализовались.

На наших глазах реализуется (и в большой мере реализован) стратегический проект ликвидации советской экономической системы. Частью его является и стратегия нынешнего этапа реформ. Планирование всей этой системы действий велось долгое время, в основном вне Госплана и АН СССР, хотя и с участием их персонала. Сейчас бы сказали, что организационная структура этого планирования была (и во многом является и сегодня) *сетевой* и даже *теневой*. Но это не основание для того, чтобы отрицать наличие этой деятельности и ее социальных форм. Это – реальность, и решить поставленную в докладе задачу можно было

только описывая именно эту реальность, а не формы и ритуалы, которые ее прикрывали и отвлекали от нее внимание общества.

Можно ли описать стратегические доктрины и принципы главных социальных и политических акторов, которые действовали в конкретный исторический период (1980–1990-е годы), изложить их стратегию? В главном можно – эмпирического материала достаточно.

Как верно было сказано в докладе, признаком наличия стратегии является существование *хронотопа*, т. е. устойчивого на целый исторический период образа действия главных субъектов общественной жизни данного общества («здесь и сейчас»). Можно ли сказать, что в последние 25 лет в России оформился вполне зрелый хронотоп? Конечно. Более того, реализуемая этими главными субъектами в эти 25 лет стратегия была с 1985 года открытой, ее с энтузиазмом излагали наши коллеги из ЦЭМИ и других институтов АН СССР. Сейчас о ней пишут в мемуарах авторы разных разделов доктрины реформ. Эта доктрина вызревала с конца 1960-х годов и уже тогда имела вполне определенные очертания. Она была подчинена определенной цели – трансформации или уничтожению советской системы как «империи зла». Давать этой цели нравственную оценку – совсем другая задача, нежели дать беспристрастное описание этого проекта как системы.

Стратегические планы были реализованы – системно и последовательно. Ничего стихийного! Ни те авторы, которые излагали доктрину, ни ее идеологи, ни практики – никто не отрицает, что речь шла о выполнении стратегического плана. Так давайте говорить именно об этом важном и актуальном феномене, надо же его интеллектуально освоить.

Если взять сотни три главных индикаторов всего жизнеустройства России (и в форме СССР, и в нынешней) и построить графики их динамики, то можно наглядно видеть реализацию этой стратегии. Видны все этапы этого процесса, которые соотносятся с политическими изменениями. «Визуализация» этой истории – актуальная задача, ее решение существенно рационализирует представление о состоянии российского хозяйства и его перспективах.

Исключение этого феномена из картины актуальной действительности, в чем и состоит смысл исходного тезиса упомянутого доклада, – не просто условность, а допустимая абстракция. Если игнорировать наличие того планирования, картина становится принципиально неверной. Одно дело – отсутствие системы стратегического планирования, и ее надо создать. В этом случае проектируется строительство системы на пустой и чистой площадке. Без помех формируются элементы, протягиваются линии связи, готовятся и расставляются кадры.

Другое дело, если на этой площадке стоит конструкция, которая создавалась с 1960-х годов. Она выросла своим фундаментом в многомерную сеть формальных и неформальных связей, имеет под землей невидимую инфраструктуру. Ей обеспечена подпитка кадрами, информацией и финансами от крупного отечественного капитала и от политической и финансовой элиты Запада, ее кадровый состав сложился в сплоченную, энергичную и хорошо оплаченную группировку. В этом случае самым трудным, дорогостоящим и опасным этапом строительства будет именно снос этой конструкции и расчистка площадки – глубокий конфликт интересов с большими рисками и потерями. Это совершенно иная задача, о которой в докладе, естественно, не было сказано ни слова.

Эта история – типичный пример постановки обществоведческой проблемы в рамках аутистического мышления. Но ведь большинство предложений «как нам обустроить Россию» таковы. Именно поэтому оппозиция, которая выходит на публику с этими, казалось бы, разумными и добрыми предложениями, большой поддержки от общества не получает.

Вывод из этой вводной части таков. В курсе второго семестра продолжим перебирать способы соединения ценностей с рациональным знанием таким образом, чтобы конфликт ценностей не превращался в «войну идиологов», а оставлял ступор «инженерного» знания

о реальности, которое могло бы служить основой для диалога частей нашего расколотого общества.

Мы будем также наращивать словарный запас языка «постсоветского модерна», который необходим для восстановления коммуникаций старшего поколения советских людей и молодежи для обсуждения нынешних социальных аномалий. Без передачи опыта и знаний между поколениями на скорое разрешение кризиса надеяться нельзя. На среднесрочную перспективу перед обществоведением стоит задача соединить «зародыши» адекватного знания о современном обществе России в *сеть*, соединяющую разнородные концепции и дискурсы.

В конце концов, обществоведение должно изложить и оценить альтернативные проекты жизнеустройства России и возможности их реализации без срыва в катастрофу.

Лекция 2

Социализм и коммунизм в России: история и перспективы

1

Коротко изложим предысторию нынешнего российского общества. Из чего оно вышло и от чего его уведут поводыри, опасаясь попасть в заколдованный круг «вечного возвращения»?

Наша тема – *социализм и коммунизм* как два больших проекта жизнеустройства и два окормляющих эти проекты социально-философских учения: социал-демократия и коммунизм.

Оба они сыграли, играют и будут играть важную роль в судьбе России. С этой точки зрения и будем их рассматривать. Оба эти проекта и учения тесно связаны с трудом Маркса, только коммунизм уходит корнями в раннее христианство, а социализм – продукт современности (модерна). В реальной практике XX века социал-демократия получила распространение на Западе и тесно связана с гражданским обществом, а коммунизм укоренился в традиционных обществах России и Азии.

Понятия, которыми обозначаются оба явления, расплывчаты и плохо определены, они нередко перекрывают или заменяют друг друга. Часто за основание для разделения берут *самоназвание* или судят по простым, «внешним», признакам. Признаешь революцию – ты коммунист, не признаешь – социал-демократ. Следовать таким признакам – значит сковывать и мышление, и практику. Даже и в словах мы часто путаемся. Социальный – значит *общественный* (от слова социум – общество). А коммунистический – значит *общинный* (от слова коммуна – община). Это – огромная разница.

Конечно, над главными, исходными философскими основаниями любого большого движения наслаивается множество последующих понятий и доктрин. Но для проникновения в суть полезно раскопать изначальные смыслы. Маркс, указав Европе на *Призрак коммунизма*, видел его не просто принципиальное, но трансцендентное, «потустороннее» отличие от социализма. Коммунизм – это история после Страшного суда глобальной пролетарской революции, которая устранил отчуждение, порожденное первородным грехом частной собственности.

Стоит заметить, что представление Маркса о зарождении частной собственности носит *квазирелигиозный* характер и корнями уходит в ветхозаветный миф о грехе. Он выступал, как пророк, что и привлекло к нему огромные массы людей традиционных обществ, в которых был жив еще «естественный религиозный орган», вытравленный на Западе модерном.

Он так писал о сотворении человечества и частной собственности: «Развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте... Вместе с разделением труда., следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети – рабы мужчины. Рабство в семье. есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне соответствует определению современных экономистов. Впрочем, разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения».

Вступление в коммунизм для Маркса – завершение огромного цикла цивилизации, в известном смысле конец «этого» света, «возврат» человечества к коммуне. То есть, к жизни в общине, в семье людей.

Социализм же – всего лишь экономическая формация, где разумно, с большой долей рациональной солидарности устроена совместная жизнь людей. Но устроена не как в общине («семье»)! «*Каждому по труду*» – принцип не семьи, а весьма справедливого общества, в том числе и буржуазного. Кстати, главная справедливость социализма заключена в первой части формулы, которая обычно замалчивается – в том, что «*от каждого по способности*». Социализм никого не отвергает, не оставляет на произвол свободного рынка. Для капитализма, не ограниченного государством, формула была бы такой: «От каждого – его *востребованный рынком* товар, каждому – стоимость его товара».

Оставим пока в стороне проблему: допустимо ли спускать «призрак коммунизма» на землю – или он и должен быть именно Призраком, к которому мы обращаем гамлетовские вопросы. Зафиксируем, что рациональный Запад за призраком не погнался, а ограничил себя *социал-демократией*. Ее лозунг: «Движение – все, цель – ничто!» Уже здесь – духовное отличие от коммунизма. А подспудно – отличие почти религиозное, из которого вытекает разное понимание времени.

Время коммунистов – цикличное, мессианское, *эсхатологическое*. Оно устремлено к некоему идеалу (светлому будущему, Царству свободы – названия могут быть разными, но главное, что есть ожидание идеала как избавления, как Возвращения, подобно Второму пришествию у христиан). Это – *Преображение мира*, в этой идее – эсхатология коммунизма. Корнями она уходит в хилизм ранних христиан.

По словам С. Булгакова (очень актуального сегодня мыслителя), хилизм «есть живой нерв истории, – историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилистическим чувством... Практически хилистическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном». Во время перестройки ее идеологи не без оснований уподобляли весь советский проект *хилизму*.

Время социал-демократов *линейное*, рациональное («цель – ничто»). Здесь – мир Ньютона, бесконечный и холодный. Можно сказать, что социал-демократов толкает в спину *прошлое*, а коммунистов притягивает *будущее*.

Менее очевидны различия в представлении о пространстве, но они тоже есть. Коммунизм латентно присутствует во всех культурах, сохранивших космическое чувство. Большевикизм сформировался под заметным влиянием *русского космизма*, уходящего корнями в крестьянское холистическое мироощущение (характерно особое отношение большевиков к Циолковскому). Социал-демократия в своем мировоззрении отказывается от космизма и тяготеет к механицизму, к ньютоновской картине мира.

Социал-демократия выросла там, где человек прошел через горнило Реформации. Она очистила мир от святости, от «призраков» и от надежды на спасение души *через братство людей*. Человек стал одиноким индивидом. Постепенно он дорос до рационального построения более справедливого общества – добился *социальных* прав. А *личные* права и свободы рождались вместе с ним, как «естественные».

Вспомним, откуда взялся сам термин социал-демократия. *Демократия* на Западе означала превращение общинных людей в индивидов, каждый из которых имел равное право голоса («один человек – один голос»). Власть устанавливалась и легитимировалась *снизу*, этими голосами. Но индивид не имел никаких социальных прав. Он имел право опустить в урну свой бюллетень, лечь и умереть с голоду. *Социал-демократия* – движение к обществу, в котором индивид наделяется и *социальными* правами.

История для социал-демократии – не движение к идеалу, а уход от дикости, от жестокости родовых травм цивилизации капитализма – без отрицания самой этой цивилизации. Это – постепенная гуманизация, окультуривание капитализма без его отказа от самого себя. А в чем же его суть? В том, что человек – товар на рынке и имеет *цену*, в зависимости от спроса и предложения. А значит, не имеет *ценности* (святости), не есть носитель искры Божьей.

Если это перевести в плоскость социальную, то человек сам по себе не имеет права на жизнь, это право ему дает или не дает рынок. Это ясно сказал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Становление рыночной экономики происходило параллельно с колонизацией «диких» народов. Необходимым культурным условием для нее был *расизм*. Отцы политэкономии Смит и Рикардо говорили именно о «расе рабочих», а первая функция рынка состояла в том, чтобы через зарплату регулировать численность этой расы. Все формулировки теории рынка были предельно жестокими: рынок должен был убивать лишних, как бездушный механизм. Это могла принять лишь культура с подспудной верой в то, что «раса рабочих» – отверженные. Классовый конфликт изначально возник как *расовый*.

Историки указывают на важный факт: в первой трети XIX века характер деградации английских трудящихся, особенно в малых городах, был совершенно аналогичен тому, что претерпели африканские племена во время колонизации: пьянство и проституция, расточительство, апатия, потеря самоуважения и способности к предвидению (даже в покупках).

Огрубляя, обозначим, что коммунизм вытекает из идеи *общины*, а социал-демократия – из идеи *общества*. Разное у них равенство. В обществе люди равны, как атомы, как индивиды с одинаковыми правами перед законом. Но вне этих прав, в отношении к Богу они не равны и братства не составляют. Чтобы революционным путем создать общество на Западе, пришлось уничтожить, растереть в прах общину с ее чувством братства и дружбы.

В общине люди равны как члены братства, что не означает *одинаковости* (братья, за редкими исключениями близнецов, всегда различаются, даже по возрасту). Русский коммунизм исходит из совершенно другого представления о человеке, нежели индивидуализм, поэтому между ним и социал-демократией – не мост, а духовная пропасть. Она в философии бытия, хотя в политике можно и нужно быть союзниками и друзьями. Коммунисты могут вести дела, «как социал-демократы» – приходится приспособливаться. Но думать, как они, коммунисты не могут¹. Из этого вовсе не следует, что коммунисты лучше социал-демократов. Например, абсурдно желать, чтобы западные социал-демократы превратились в большевиков – это было бы катастрофой.

Что же касается западных коммунистов, то это (если не считать выходцев из анклавов традиционного общества, примером которых можно считать Долорес Ибаррури) – левое крыло социал-демократов, в котором сохранилась верность «призраку коммунизма» как мечте. Кризис коммунистов на Западе во многом порожден их наивной верой в возможность повторения пути советской России – при несоответствии большевизма западному представлению о человеке. Сдвиг западных компартий к еврокоммунизму, а затем антисоветизму, привел к фактической ликвидации коммунистического движения в Западной Европе.

В 1980-е годы на позиции еврокоммунизма перешло и руководство КПСС (что привело к катастрофе СССР).

Как же социал-демократы «окультуривали» расово-классовый конфликт гражданского общества? Они объяснили, что выгоднее не оскорблять рабочих, а обращаться с ними вежливо, как с равными. Так же теперь обращаются с неграми в США. Но социал-демократы

¹ Разумеется, речь не идет о противопоставлении *человека общинного* и *человека общественного*. Общинность отрицает индивидуализм как *самоосознание* человека, но вовсе не общественность как рациональную солидарность в человеческих отношениях. Традиционное общество России уже в XVIII веке предстает в модифицированной, модернизированной форме. Только на общинности не могли бы консолидироваться ни городское индустриальное общество, ни армия, ни российская наука. И тем более не могла бы произойти великая революция и строительство СССР как великой державы.

были частью этого процесса: отказавшись от «призрака коммунизма», они приняли расизм (хотя и в латентной форме) и евроцентризм.

Вот слова лидера Второго Интернационала, видного идеолога социал-демократов, Бернштейна: «Народы, враждебные цивилизации и неспособные подняться на высшие уровни культуры, не имеют никакого права рассчитывать на наши симпатии, когда они восстают против цивилизации. Мы не перестанем критиковать некоторые методы, посредством которых закабаляют дикарей, но не ставим под сомнение и не возражаем против их подчинения и против господства над ними прав цивилизации. Свобода какой – либо незначительной нации вне Европы или в центральной Европе не может быть поставлена на одну доску с развитием больших и цивилизованных народов Европы».

В этом смысле социал-демократия уходит корнями в протестантизм, а коммунизм – в раннее христианство (к которому ближе всего Православие).

Чтобы понять социал-демократию, надо понять, что она преодолевает, не отвергая.

Рабочее движение завоевало многие социальные блага, которые вначале отрицались буржуазным обществом, ибо мешали Природе вершить свой суд над «слабыми». Хлебнув дикого капитализма, рабочие стали разумно объединяться и выгрызать у капитала социальные права и гарантии. Шведская модель выросла из голода и одиночества начала XX века. Полезно прочесть роман Кнута Гамсуна «Голод».

В зажиточном Осло молодой писатель был одной ногой в могиле от голода – уже и волосы выпали. Ему не только никто не подумал помочь, он сам не мог заставить себя украсть булку или пирожок, хотя это было нетрудно. Святость частной собственности и отсутствие права на жизнь были вбиты ему в подсознание так же, как святость его личных прав гражданина.

На какой же духовной матрице выростала «социальная защита»? На *благотворительности*, из которой принципиально была вычищена человечность (М. Вебер). Социал-демократия произвела огромную работу, изживая раскол между обществом и «расой отверженных», превращая подачки в социальные права. Только поняв, от чего она шла, можно в полной мере оценить гуманистический подвиг социал-демократов. Но в России современный коммунизм начинался совершенно с иной базы – с человека, который *еще* был проникнут солидарным чувством. Это – иная траектория. Не было у нас рабства, да и феодализм захватил небольшую часть России на очень недолгое время. Не может уже Россия пройти путь Запада – это надо иметь в виду хотя бы как гипотезу.

Общинное сознание России не перенесло капитализма и после Февраля 1917 года и Гражданской войны рвануло назад (или слишком вперед) – к *коммунизму*. Здесь ребенок рождался с коллективными правами как член общины, а вот личные права и свободы надо было требовать и завоевывать.

Именно глубинные представления о человеке, а не социальная теория, породили русскую революцию и предопределили ее характер. Ленин, когда решил сменить название партии с РСДРП на РКП (б), понял, что революция занесла не туда, куда предполагали социал-демократы – она не то чтобы «проскочила» социал-демократию, она пошла по своему, иному пути.

В этом и есть суть «развода» коммунистов с социал-демократами в России: массы сочли, что могут не проходить через страдания капитализма, а проскочить сразу в пострыночную жизнь. Идея народников (пусть обновленная) победила в большевизме, как ни старался Ленин следовать за Марксом. В принципе, опыт СССР показал, что миновать «кавдинские ущелья капитализма» было возможно, но сейчас нас пытаются вернуть на «столбовую дорогу».

Мы, в общем, не *понимали* фундаментальных оснований советского строя (старшие поколения *чувствовали*, но этого оказалось недостаточно). Внешне блага социал-демокра-

тии, например, в Швеции, кажутся просто улучшенными советскими благами. А ведь суть их совершенно разная.

Так, одним из социальных прав как в СССР, так и в некоторых странах при социал-демократических правительствах, было право на бесплатное медицинское обслуживание. При внешней схожести этого конкретного права, его основания в СССР и в Швеции были различны. Согласно концепции индивида (в Швеции), человек рождается вместе со своими неотчуждаемыми *личными* правами. В совокупности они входят в его естественное право. Но бесплатное медицинское обслуживание не входит в естественное право человека. Он его должен завоевать как *социальное* право и закрепить в какой-то форме общественного договора.

В советском обществе человек являлся не индивидом, а членом общины. Он рождался не только с некоторыми личными, но и с неотчуждаемыми *общественными*, социальными правами. Поскольку человек – не индивид (он «делим»), его здоровье в большой мере было национальным достоянием. Поэтому бесплатное здравоохранение рассматривалось (даже бессознательно) как естественное право. Оберегать здоровье человека было *обязанностью* и государства как распорядителя национальным достоянием, и самого человека как гражданина, частичного хозяина страны.

В советское время работников трудно было загнать на диспансеризацию. Надо ходить в поликлинику, одиннадцать врачей-специалистов тебя дотошно осматривают. На Западе это никому объяснить невозможно: бесплатно врачи, рентген, ЭКГ и УЗИ – а не шли. А причина в том, что индивид (т. е. «неделимый») имеет свое тело в частной собственности. Наш человек собственником не был, его тело во многом было «общенародным достоянием», и государство *обязывало* его хранить и предоставляло для этого средства². В 1990-е годы врачи были еще бесплатны, люди много болели, а к врачу не шли. Почему? Потому, что они уже освободились от обязанности перед государством – быть здоровыми, но еще не осознали себя собственниками своего тела и своей выгоды от содержания его в хорошем состоянии.

Что же позволило социал-демократам «очеловечить» капитализм, не порывая с ним? Есть ли это условие в России сегодня – ведь от этого зависит шанс нашей социал-демократии на успех. Пока что попытки были неудачными: и Горбачева с Яковлевым, и Роя Медведева с Рыбкиным, и Селезнева, а теперь и С. Миронова с Бабаковым. Фундаментальны ли причины этих неудач? Чтобы разобраться, надо вспомнить историю социал-демократии и коммунизма в России.

² М. Фуко, развивая концепцию *биовласти*, т. е. отношения власти к телу человека, высказал такой афоризм: «Тоталитаризм обязывает жить, а демократия разрешает умирать». С этим связаны проблемы рождаемости и смертности, эвтаназии и т. п.

2

XX век – это несколько исторических периодов в жизни России, периодов критических. Суть каждого из них была в столкновении противоборствующих сил, созревающих в течение веков. В разных формах эти силы будут определять и нашу судьбу в XXI веке. Но весь XX век Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, называемой *русский коммунизм*.

Русский коммунизм – сплетение очень разных течений, взаимно необходимых, но в какие-то моменты и враждебных друг другу. Советское обществоведение дало нам облегченную модель этого явления, почти пустышку. Главные вещи мы начали изучать и понимать в ходе катастрофы СССР – глядя на те точки, по которым бьют в последние двадцать пять лет.

В самой грубой форме русский коммунизм можно представить как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905–1907 годов и стали единым целым перед войной (а если заострять, то после 1938 года). Первый блок – то, что Макс Вебер назвал *«крестьянский общинный коммунизм»*. Второй – русская *социалистическая* мысль, которая к началу XX века взяла своей идеологией марксизм, но им было прикрито наследие всех русских проектов модернизации, начиная с Ивана IV.

Оба эти блока были частями русской культуры, оба имели сильные религиозные компоненты. Общинный коммунизм питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью, породившим многие ереси. Он имел идеалом *град Китеж* (хилиастическую ересь «Царства Божьего на земле»). Социалисты исповедовали идеал прогресса и гуманизм, доходящий до человекобожия. Революция 1905 года – дело общинного коммунизма, почти без влияния блока социалистов. Зеркало ее – Лев Толстой. После нее произошел раскол у марксистов (социал-демократов), и их «более русская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Отсюда «союз рабочего класса и крестьянства» – ересь для марксизма. Возник *большевизм*, первый эшелон русского коммунизма.

Соединение в русском коммунизме двух блоков, двух мировоззренческих матриц, было в российском обществе уникальным. Ни один другой большой проект такой структуры не имел: ни народники (и их наследники эсеры), ни либералы-кадеты, ни марксисты-меньшевики, ни консерваторы-модернисты (Столыпин), ни консерваторы-реакционеры (черносотенцы), ни анархисты (Махно). В то же время, большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданской войны видные кадры из всех них включились в советское строительство.

Мы здесь не рассматриваем важное достижение русского коммунизма, которое осталось в форме *неявного* знания – сложное соединение марксистского интернационализма с «державным национализмом». Это отдельная тема.

Таким образом, под знаменем марксизма в России возникло два разных (и даже враждебных друг другу) социалистических движения, которые в Гражданской войне оказались, в общем, по разные стороны линии фронта. Из марксизма они взяли разные смыслы.

Маркс предсказывал приход коммунизма, как *пророк*. Революция – конец старого мира, пролетариат – мессия. Но апокалиптика Маркса, т. е., описание пути к *преображению* (пролетарской революции), исходила из идеи распространения капитализма во всемирном масштабе с полным исчерпанием его потенциала развития производительных сил, вслед за которым произойдет всемирная революция под руководством пролетариата Запада. В России крестьянский коммунизм легко принял пророчество Маркса, но отвел рассуждения о благодати капитализма. Большевики, освоив опыт 1905 года и оценив реальное состояние миро-

вой системы капитализма (империализма), примкнули к коммунизму. Меньшевики остались верны ортодоксии.

Маркс прозорливо предвидел такую возможность и заранее предупредил, что считает «преждевременную» антикапиталистическую революцию *реакционной*. В «Манифесте коммунистической партии» специально говорится, что сословия, которые «борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории». Таким сословием было в России крестьянство, составлявшее 85 % населения.

Положение о том, что сопротивление капитализму, пока он не исчерпал своей потенции в развитии производительных сил, является реакционным, было заложено в марксизм, как непререкаемый постулат. Красноречиво высказывание Энгельса (1890): **«В настоящее время капитал и наемный труд неразрывно связаны друг с другом. Чем сильнее капитал, тем сильнее класс наемных рабочих, тем ближе, следовательно, конец господства капиталистов. Нашим немцам... я желаю поэтому поистине бурного развития капиталистического хозяйства и вовсе не желаю, чтобы оно коснело в состоянии застоя».**

Вот такая диалектика – нужно всемерно укреплять капитализм, потому что это приближает «конец господства капиталистов».

В отличие от марксистской теории классовой революции в России создавалась теория революции, *предотвращающей* разделение на классы (Бакунин, Ткачев и народники, позже Ленин). Для крестьянских стран это была революция *цивилизационная* – она была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Это принципиально иная теория, можно даже сказать, что она является частью другой *парадигмы*, другого представления о мироустройстве, нежели у Маркса. Между этими теориями не могло не возникнуть глубокого *когнитивного* конфликта. А такие конфликты всегда вызывают размежевание и даже острый конфликт сообществ, следующих разным парадигмам. Тот факт, что в России большевикам, следующим ленинской теории революции, приходилось маскироваться под марксистов, привел к тяжелым деформациям и в ходе революционного процесса, и в ходе социалистического строительства.

Однако совмещение крестьянского коммунизма с марксизмом было проведено виртуозно. Так произошло, например, с понятием «диктатура пролетариата». Она воспринималась русскими людьми как диктатура тех, кому нечего терять, кроме цепей, – тех, кому не страшно постоять за правду. Н. Бердяев неоднократно высказывал такую мысль: **«Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма».**

М.М. Пришвин записал в дневнике 21 сентября 1917 года: **«Этот русский бунт, не имея в сущности ничего общего с социал-демократией, носит все внешние черты ее и систему строительства».** Пришвин так выразил суть Октября: «горилла поднялась за правду». Но что такое была эта «горилла»? Пришвин объяснил это в дневнике (31 октября) так. Возник в трамвае спор о правде (о Керенском и Ленине) – до рычания. И кто-то призвал спорщиков: «Товарищи, мы православные!» И Пришвин признает: «в чистом виде появление гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных».

С самого начала институты советской власти формировались не по классовому признаку. В августе 1917 года октябрист и многолетний председатель Государственной думы М.В. Родзянко говорил: **«За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас».**

Это очень крупная ошибка либералов Временного правительства, она говорит о «незнании общества, в котором жили». Российское общество не было *классовым* (в понятиях либерализма и марксизма), но это игнорировали и кадеты, и меньшевики. В отличие от этой установки Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы *общинно-сословные*, в которых многопартийность постепенно изживалась и в конце концов вообще исчезла.

Антисоветские силы искали поддержки марксистов-меньшевиков. Так, в мае 1917 года при Временном правительстве создавался Отдел пропаганды. Искали лучших авторов, и вот с кем была достигнута договоренность: Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, В.Н. Фигнер, Л.Г. Дейч, Н.С. Чхеидзе, Г.А. Лопатин. Все это виднейшие деятели российской социал-демократии. По главным тогда вопросам они стояли на антисоветской позиции.

На допросе в чрезвычайной комиссии Временного правительства генерал Л.Г. Корнилов после провала его мятежа сказал, что в список будущих министров при нем как диктаторе был включен основоположник российской социал-демократии Г.В. Плеханов (а также эсер Савинков). В это надо вдуматься, чтобы понять суть противостояния между белыми и красными, между меньшевиками и большевиками.

Вот выдержки из документа, который называют «Политическим завещанием» лидера меньшевиков Аксельрода (письмо Ю.О. Мартову, сентябрь 1920 года). Он пишет о большевиках: **«Самой главной... изменой их собственному знамени является сама большевистская диктатура для водворения коммунизма в экономически отсталой России в то время, когда в экономически наиболее развитых странах еще царит капитализм. Вам мне незачем напоминать, что с первого дня своего появления на русской почве марксизм начал борьбу со всеми русскими разновидностями утопического социализма, провозглашавшими Россию страной, исторически призванной перескочить от крепостничества и полупрimitивного капитализма прямо в царство социализма.**

Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии... Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Суть конфликта между социал-демократией и коммунизмом представлена ясно. Из этой точки Россия пошла по пути реализации проекта *коммунизма* (хотя он и назывался социализмом)³.

Некоторые историки утверждают, что никакого советского проекта не было, что советы «работали, как говорится, прямо с колес». Это неверно и является следствием преувеличенного значения, которое по традиции придается формальному знанию и идеологиям, и пренебрежением к знанию неявному и обыденному. Советский проект вызревал очень долго. Откуда взялись декреты советской власти и сама идея национализации земли? Они взялись из тех представлений общинного крестьянства, которые вынашивались в течение примерно 30–40 лет. Уже в «Письмах из деревни» Энгельгардта (80-е годы XIX века) видно, как в крестьянской общине вырабатывалось и совершенствовалось представление о благой жизни, а потом (1904–1907) излагалось эпическим стилем в виде наказов и приговоров. Из наказов и брали эти представления эсеры и большевики. Как бы мог стать Толстой «зеркалом русской революции», если бы крестьянские чаяния не превратились в развитое мировоззрение? Сегодня процесс формирования этого проекта реконструирован достаточно надежно.

³ Точнее было бы говорить «русский коммунизм», чтобы не путать его с «правильным марксизмом».

3

Какие главные задачи, важные для судьбы России, смог решить русский коммунизм? Что из этих решений необратимо, а в чем 1990-е годы пресекли этот корень? Что из разработок коммунистов будет использовано в будущем? Главное я вижу так.

– Большевизм преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». Это произошло в советском проекте, где удалось произвести синтез космического чувства русских крестьян с идеалами Просвещения и прогресса⁴. Это – исключительно сложная задача, и сегодня, разбирая ее суть, поражаешься тому, как это удалось сделать.

Если брать шире, то большевики выдвинули большой проект модернизации России, но, в отличие от Петра I и Столыпина, не в конфронтации с традиционной Россией, а с опорой на ее главные культурные ресурсы. Прежде всего, на культурные ресурсы русской общины, как это предвидели народники. Этот проект был в главных своих чертах реализован – в виде индустриализации, модернизации деревни, культурной революции и создания специфической системы народного образования, своеобразной научной системы и армии. Тем «подкожным жиром», который был накоплен в этом проекте, мы питаемся до сих пор. А главное, будем питаться и в будущем – если ума хватит. Пока что другого источника не просматривается (нефть и газ – из того же «жира»).

– Второе, чего смогли добиться большевики своим синтезом, это на целый исторический период нейтрализовать западную *русофобию* и ослабить накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920 по конец 1960-х годов престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало России важную передышку. Россия в облике СССР стала сверхдержавой, а русские – полноправной нацией. О значении этого перелома писали и западные, и русские философы, очень важные уроки извлек из него первый президент Китая Сунь Ятсен и положил их в основу большого проекта, который успешно выполняется.

Из современных философов об этом хорошо сказал А.С. Панарин: **«Русский коммунизм по-своему блестяще решил эту проблему. С одной стороны, он наделил Россию колоссальным «символическим капиталом» в глазах левых сил Запада – тех самых, что тогда осуществляли неформальную, но непреодолимую власть над умами – власть символическую.**

Русский коммунизм осуществил на глазах у всего мира антропологическую метаморфозу: русского национального типа, с бородой и в одежде «а la cozak», вызывающего у западного обывателя впечатление «дурной азиатской экзотики», он превратил в типа узнаваемого и высокочтимого: «передового пролетария». Этот передовой пролетарий получил платформы для равноправного диалога с Западом, причем на одном и том же языке «передового учения». Превратившись из экзотического национального типа в «общечеловечески приятного» пролетария, русский человек стал партнером в стратегическом «переговорном процессе», касающемся поиска действительно назревших, эпохальных альтернатив».

– Третья задача, которую решили большевики и масштаб которой мы только сейчас начинаем понимать, состоит в том, что они нашли способ «пересобрать» русский народ, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе – как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по

⁴ Некоторые просвещенные интеллектуалы теперь говорят, что русский коммунизм был проектом *архаического* общества. Это ошибка. Российское общество уже до монгольского нашествия нельзя считать архаическим. Тем более не смогло бы архаическое общество организовать для Отечественной войны 1812 года. А уж в конце XIX века и традиционализм российского общества был сильно модернизирован.

этнологии в восхищение – после того, как опыт второй половины XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Но в решении этой задачи еще важнее было снова собрать русских в имперский (теперь «державный») народ. Этот народ упорно «демонтировали» начиная с середины XIX века – и сама российская элита, перешедшая от «народопоклонства» к «народоненавистничеству», и Запад, справедливо видевший в русском народе «всемирного подпольщика» с мессианской идеей, и западническая российская интеллигенция. Но сильна была крестьянская община, и она сама, вопреки всем этим силам, начала сборку народа на новой матрице. Матрица эта (представление о благой жизни) изложена в тысячах наказов и приговоров сельских сходо 1905–1907 годов, составленных и подписанных крестьянами России. И нашлось развитое политическое движение, которое от марксизма и перешло на эту матрицу (платформу). Так и возник русский коммунизм.

Сборка народа была совершена быстро и на высшем уровне качества. Так, что Запад этого не мог и ожидать – в 1941 году его нашествие встретил не «колосс на глиняных ногах», а образованная и здоровая молодежь с высоким уровнем самоуважения и ответственности. Давайте сегодня трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, который смог бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский народ в 30–40-е годы XX века, ведомый русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

– Русский коммунизм сохранил и продолжил развитие российской *государственности*. Он опирался на государственное чувство всех массивных социальных групп России и сумел устранить из своей доктрины представление марксизма о государстве как «паразитическом наросте на теле гражданского общества». Это было очень непростой задачей.

Русский коммунизм доработал ту модель государственности, которая была необходима для России в новых, трудных условиях XX века. Основные ее контуры задала та же общинная мысль («Вся власть Советам»), но в этом крестьянском самодержавии было слишком много анархизма, и мириады Советов надо было стянуть в мобильное современное государство. Это и сделали большевики, и это была творческая работа высшего класса.

– Русский коммунизм не допустил *разрыва непрерывности* культурного развития России. В условиях той катастрофы, какой была революция в целом, это было великим, почти невероятным достижением. Достаточная для обеспечения преемственности часть ученых, инженеров, управленцев, военных и гуманитарной интеллигенции включилась в советское строительство и не была отторгнута революционной массой. Культура как национальное достояние была перенесена в советское общество и государство и стала базой для модернизации и развития. Насколько это непростое дело, мы видим сегодня, когда «рыночная революция» сознательно оборвала связь с культурой России советского периода.

– Русский коммунизм (именно в его двуединой сущности) спроектировал и построил большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX века, стать индустриальной и научной державой и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к современному уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри нее», как не думаем о воздухе, которым дышим (пока нас не взяла за горло чья-то мерзкая рука).

На деле большие системы «советского типа» – большое творческое достижение. Достаточно упомянуть такие создания, как советская школа и наука, советское здравоохранение и советская армия, советское промышленное предприятие с его трудовым коллективом и советская колхозная деревня, советское теплоснабжение и Единая энергетическая система.

Суть *плана* в советском хозяйстве была вульгаризирована в идеологии перестройки. План – это не подсчет винтиков и пиджаков. Это способ согласования интересов, похожий на то, как согласовывают интересы в семейном хозяйстве. Отличие плана от рынка в том, что при рынке ресурсы *обмениваются и покупаются*, а при плане они *соединяются*. После Великой отечественной войны смогли за три года восстановить промышленность потому, что ресурсы не продавались и не покупались, а соединились при помощи плана. А купить их – никаких денег не хватило бы.

За первыми шагами на этом пути наблюдал Кейнс (в 1920-е годы он работал в Москве). Он сказал, что в России тогда была *главная лаборатория жизни*, что Советская Россия, как никто, близка и к земле, и к небу. Это объяснялось тем, что в СССР выполнялся самобытный цивилизационный проект, движимый мощной духовной энергией, а не эпигонское повторение формул западной социал-демократии. Кейнс писал в 1925 году: **«Ленинизм – странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, – религии и бизнеса».**

Ортега и Гассет в «Восстании масс» (1930) предупреждал: **«В Москве существует тонкая пленка европейских идей – марксизм, – рожденных в Европе в приложении к европейским проблемам и реальности. Под ней – народ, не только отличный от европейского в этническом смысле, но, что гораздо важнее, и другого возраста, чем наш. Это народ еще бурлящий, т. е. юный... Я жду появления книги, в которой марксизм Сталина был бы переведен на язык истории России. Потому что именно в том, что он имеет от русского, его сила, а не в том, что он имеет от коммуниста».**

Все мы – наследники русского коммунизма, никакая партия или группа не имеет монополии на его явное и тайное знание. И все же, антисоветизм и антикоммунизм отвращают от него. Отворачиваться от этого знания глупо.

Для советского строя, который складывался на матрице крестьянского общинного коммунизма, был характерен высокий уровень уравнительности, прежде всего выражавшийся в искоренении безработицы («право на труд»), в доступе к главным социальным благам (жилье, образование и здравоохранение) и в ценообразовании. Маркс называл это «казарменным коммунизмом». Мысль о его реакционности сохраняла свой антисоветский потенциал. Он был активизирован после смерти Сталина, когда резко ослабили инструменты «вульгаризации марксизма».

С 60-х годов XX века, в условиях спокойной и все более зажиточной жизни, в умах заметной части горожан начался отход от жесткой идеи коммунизма в сторону социал-демократии. Это явно наблюдалось в среде интеллигенции и управленцев, понемногу захватывая и квалифицированных рабочих. Для перерождения были объективные причины. Главная – глубокая модернизация России, переход к городскому образу жизни и быта, к новым способам общения, европейское образование, раскрытие Западу. Идеологическая машина КПСС не позволила людям увидеть этот сдвиг и поразмыслить, к чему он ведет. Беда в том, что левая интеллигенция, вскормленная рационализмом и гуманизмом Просвещения, равнодушна к фундаментальным, «последним» вопросам. А обществоведы не могли внятно объяснить, в чем суть отказа от коммунизма и отхода к социал-демократии, который мечтал осуществить Горбачев.

В интеллигентных кругах стали ходить цитаты Маркса такого рода: **«Первое положительное упреждение частной собственности, грубый коммунизм, есть только форма проявления гнусности частной собственности».**

Эта изощренная конструкция была квинтэссенцией антисоветского кредо меньшевиков в 1917–1921 годы и команды Горбачева и Ельцина в конце XX века. Согласно идеологии перестройки, советский коммунизм был выражением зависти и жажды нивелирования, он отрицал личность человека и весь мир культуры и цивилизации, он возвращал нас к

неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не дорос еще до частной собственности.

Антисоветским идеологам Горбачева и Ельцина не пришлось ничего изобретать, все главные тезисы они взяли у Маркса *почти буквально*. Более того, даже сегодня ортодоксальные марксисты опираются на концепцию «грубого уравнительного коммунизма» в своем отрицании советского строя. Вновь стал муссироваться и старый тезис о «неправильности» русской революции «в одной стране», тем более «отсталой».

4

Какие критически важные задачи *не решили* советское общество и государство? Критическими будем считать задачи, неудача в решении которых привела к развитию кризиса вплоть до порога, за которым начался распад государства и общества. То есть, речь идет о кризисе, который завершился ликвидацией СССР и сменой политического и общественного строя.

Эти нерешенные задачи наглядно вскрылись уже в ходе кризиса и осмысления катастрофы 1990-х годов. Все они остаются актуальными и для постсоветской России и должны стать предметом исследований и обсуждения в «новом обществоведении». Им будет посвящена большая часть времени в курсе этого семестра, а здесь мы их только перечислим с короткими комментариями.

Упорядочим этот перечень соответственно общности (системности) воздействия того фактора, который следовало тщательно контролировать, но не удалось. Назовем эти *нерешенные задачи*, выделяя их курсивом.

– *Не удалось обеспечить необходимый и достаточный уровень самоосознания быстро развивающегося советского общества.*

Как уже говорилось, на начальном этапе самоидентификация советского общества происходила в рамках понятий «общинного крестьянского коммунизма», прикрытого «тонкой пленкой» марксизма. Эффективность этого языка усиливалась состоянием и поведением *значимого иного*, которым служил Запад как инкарнация мирового капитализма. От Запада исходил тот *исторический вызов*, ответом на который и была советская революция. Более того, этот вызов приобретал и форму военной угрозы – в Гражданской войне, а затем и в осознаваемой назревающей войне, которая поднялась на уровень Отечественной.

На втором этапе, уже в процессе выхода из мобилизационного состояния, общество изменилось настолько, что прежние формулы стали явно недостаточны, чтобы описать «самое себя». Стали возникать диссиденты (в широком смысле слова), но диалога с ними не возникло. Структуры самосознания начали выхолащиваться, разногласия – углубляться. Мы перестали «знать общество, в котором живем». Это – тяжелая болезнь.

В 1970-е годы уже было смутное чувство, а в 1990-е годы стало понятно, что советский строй не создал непрерывно действующего и обновляющегося механизма самоосознания общества и гражданина. Требуется срочный инженерный анализ этого дефекта.

– *Не удалось проводить регулярную модернизацию мировоззренческой матрицы советского общества в соответствии с изменениями картины мира и антропологией советского человека.*

Революция, форсированная индустриализация и тотальная война предопределили *чрезвычайный* темп изменений советского человека, общества и массовой культуры. Государство и его «инженеры человеческих душ» после войны перестали понимать смысл и темп этих изменений и начали «отставать» от них. В «духовном окормлении» общества возник провал, который не был закрыт. Это привело к разрыву важных коммуникаций между государством и обществом. Часть сигналов, посылаемых обществу на языке официальной идеологии, перестала восприниматься. Для идеократического государства это создавало большие угрозы. Мировоззренческая матрица, на которой было собрано и консолидировано общество, стала разрыхляться, а во многих своих частях хаотизироваться.

Это привело к тому, что стали терять эффективность созданные ранее инструменты и механизмы воспроизводства культурной гегемонии советского строя. Ни отремонтировать, ни обновить эти инструменты и механизмы государство и его интеллектуальные службы (обществоведение) не смогли.

– Не удалось выработать дееспособную рациональную модель СССР как этнической системы в ее динамике и на этой основе выработать собственную доктрину нациестроительства – сплочения советского народа в полиэтническую гражданскую нацию и развития системы общежития народов.

Благоприятный момент для обновления национально-государственной модели, которое предотвратило бы возрождение этнического национализма элит, наступил после Великой Отечественной войны, но тогда государство было вовлечено в борьбу с культом личности Сталина.

Как только со сцены стали сходить старшие поколения, решавшие задачи в сфере этничности на основе опыта и неявного знания, обнаружилось это слабое место советской системы. Была мобилизована политизированная этничность местных элит, а к середине 80-х годов XX века были созданы очаги «бунтующей этничности». Советское государство уже не обладало ни памятью, ни знанием, чтобы справиться с этой враждебной ему силой. Более того, антисоветская часть номенклатуры даже использовала ее как таран для ликвидации советского строя. В постсоветской России положение не выправляется.

– Не удалось выработать собственную (а не копирующую Запад) доктрину и социальные механизмы расширения и развития системы потребностей советского человека.

Эту задачу требовалось решить как обязательное условие выхода из мобилизационного состояния и модернизации общества и государства. Она решалась медленно и на низком уровне знания и понимания. Результатом стал то острый, то вялотекущий «конфликт поколений», нарастание недоброжелательного инакомыслия и ослабление легитимности советского строя. Этот процесс завершился «ускользанием национальной почвы из-под производства потребностей» (Маркс), что стало важным фактором краха СССР.

В постсоветской России эта проблема быстро усугубляется, приобретая характер фундаментальной угрозы.

– Не удалось разработать концепцию советской демократии как дееспособного развивающегося механизма.

Советский строй вырос из традиционного сословного общества. С самого начала и «разработчики» советского проекта, и практики советского строительства предвидели угрозу возрождения, в новых формах, многих сторон сословности. Противодействовать этому могла только демократия, отвечающая антропологии и культуре советского общества. Она и развивалась на восходящей ветви революции, но не было создано концептуальной («теоретической») основы, которая позволила бы выстраивать институты демократии сознательно и планомерно. Произошла, по выражению Вебера, «институционализация харизмы» – бюрократизация и укрепление сословных барьеров. Это проявилось прежде всего в номенклатуре и элите всех профессиональных общностей. Те временные структуры, которые создавались для решения срочных чрезвычайных задач (например, номенклатурная система в кадровой политике), сравнительно быстро перерождались и укоренялись. Механизма их оздоровления и обновления выработать не удалось. В постсоветской России эта проблема усугубилась.

– Руководству КПСС и элите советской гуманитарной интеллигенции не удалось объяснить с западными левыми и предотвратить их сдвиг к антисоветизму.

Не имея внятной и развитой объяснительной модели советского проекта и советского строя, партийная интеллигенция СССР не смогла рационально представить корни конфликта, назревающего в мировом левом движении, и предотвратить переход еврокоммунистов на антисоветские позиции. Углубление конфликта привело к глубокому кризису культуры левых в целом и краху коммунистического движения как в СССР, так и в обоих «лагерях» холодной войны.

– *Самое главное: советской системе не удалось наладить воспроизводство того культурно-исторического типа, который получил название человек советский (homo sovieticus).*

Это тот культурно-исторический тип, который начал складываться с начала XX века, стал движущей силой советской революции, созрел во время Гражданской войны, индустриализации и Великой Отечественной войны. Он «продержал» Россию в течение почти всего XX века, проявил специфические культурные и социальные качества, но стал слабеть и утрачивать свои позиции в обществе начиная с 1960-х годов. Его отступление и вытеснение конкурирующими с ним социокультурными типами и является непосредственной причиной краха советского строя.

Эта проблема остается фундаментальной и для постсоветской России, поскольку доминирующий в настоящее время социокультурный тип обнаружил неспособность быть носителем цивилизационных качеств России и обеспечивать жизнеспособность страны.

5

Каковы же перспективы восстановления, модернизации и создания структур социализма и коммунизма в России на путях ее развития из «точки 2010»? Дело видится так. Эта проблема волнует и правых, и левых. Вот предварительные суждения.

Кризис, который переживает Россия, – эпизод русской революции. Ее заряд не был исчерпан в первой трети XX века и вырвался наружу в перестройке. На арену вышли духовные «внучата» прежних акторов с прежними проектами, вплоть до столыпинской реформы. Такая их живучесть свидетельствует о том, что советское общество было *традиционным*. Оно сохранило почти все множество «малых народов», групп и сословий, а классовое гражданское общество всех их сплавило бы в своем тигле.

Какова же социокультурная «карта» общества в свете нашего вопроса? Грубо, ее надо представить в двух пространствах: плоскости скрытых, не всегда осознаваемых *чаяний* и в плоскости *расхожих суждений* (идеологических, конъюнктурных, внушенных СМИ). Ортега-и-Гассет писал: «Секрет политики состоит всего-навсего в провозглашении того, что есть, где под тем, что есть, понимается реальность, существующая в подсознании людей, которая в каждую эпоху, в каждый момент составляет истинное и глубоко проникновенное чаяние какой-либо части общества... В эпохи кризисов расхожие суждения не выражают истинное общественное мнение».

Сведения о такой «карте», если она кем-то составляется, не публикуются, это было бы контрпродуктивно и для власти, и для всех входящих в «систему» политических организаций. Поэтому мои оценки основаны на совокупности отрывочных данных и на интуиции.

Прежде всего, почти очевидными являются два важных факта: *легкость свержения* советской власти под социал-демократическими и либеральными лозунгами – и в то же время *невозможность осуществить* социал-демократические и либеральные реформы. Как объяснить эти, на первый взгляд, противоречащие друг другу факты?

Первый факт я объясняю тем, что, как мы говорили в первом семестре, в ходе урбанизации иссяк ресурс *общинного крестьянского коммунизма*, служивший центральным блоком мировоззренческой матрицы, которая легитимировала советский строй. Обновления и «ремонта» этой матрицы идеологическая машина КПСС провести не смогла. Подорвать остатки легитимности «сверху», воздействуя именно на стереотипы советской идеологии (равенство и справедливость), было нетрудно. С помощью «гласности» были возбуждены *расхожие суждения*.

СССР и его политическая система были ликвидированы, но затем оказалось, что реформа во всех своих главных установках противоречит *чаяниям* большинства. Это большинство, не имея политических средств, чтобы остановить реформу, оказывает ей пассивное «молекулярное» сопротивление. Каков его вектор? Исходит ли он из системы ценностей социал-демократии или коммунизма?

Я считаю, что корни этого сопротивления уходят в *коммунизм*, как это было и сто лет назад. Это резко осложняет всю картину. А.С. Панарин писал: «Современный «цивилизованный Запад» после своей победы над коммунизмом открыл «русское народное подполье», стоящее за коммунизмом и втайне питавшее его потенциалом скрытой общинности. В тайных нишах народной общинности находил укрытие жизненный мир с его до сих пор скрытыми законами, может быть, в принципе не переводимыми на язык прогрессизма».

Первые же шаги реформы оживили и резко усилили коммунистические «архетипы». Уже в предчувствии реформы общественное мнение стало жестко уравнилельным. В октябре 1989 года на вопрос «Считаете ли вы справедливым нынешнее распределение доходов в нашем обществе?» 52,8 % ответили «не *справедливо*», а 44,7 % – «не *совсем с^авед-*

ливо». Что же считали несправедливым 98 % жителей СССР – невыносимую уравниловку? Совсем наоборот – люди считали распределение *недостаточно уравнительным*.

84,5 % опрошенных считали, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низкими доходами», и 84,2 % считали, что «государство должно гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума».

Следует подчеркнуть, что в СССР был принят и выдерживался принцип, согласно которому *минимальная заработная плата* составляла не менее полутора *минимальных потребительских бюджетов* (этот бюджет и составлял прожиточный минимум) – так, чтобы обеспечивать воспроизводство работника и «половины» иждивенца. В конце 1980-х годов прожиточный минимум был определен в размере 100 руб. в месяц, а минимальная зарплата – в 165 руб. В 1992 году критерий изменился: «прожиточный минимум» был оторван от минимального потребительского бюджета, он стал меньше него в 2,25 раза. Само понятие «минимальной зарплаты» потеряло свой социальный смысл – в январе 1999 года она составляла 10,6 % от прожиточного минимума и равнялась 3 долл. США в месяц. В начале 2006 года минимальная зарплата в РФ составляла 30,2 % от прожиточного минимума.

В 1996 году ВЦИОМ повторил этот опрос, и выяснилось, что уравнительные настроения усилились: 93 % опрошенных считали, что государство должно обеспечивать всех желающих работой, 91 % – что оно должно гарантировать доход не ниже прожиточного минимума. Это – уравнительная программа коммунизма, а не рациональной социальной защиты социал-демократии.

И дело не только в социальных установках. Парадоксальным образом и *рыцари реформы* следуют культурным принципам, несовместимым с либерализмом и социал-демократией, независимо от того, какие самоназвания принимают и какие идеологические маски нацепляют. Они исполнены иррационального мессианского чувства, которое было присуще именно большевикам. В 90-е годы XX века оно было направлено на разрушение советского строя, но это люди из породы большевиков. Их можно уподобить зомби – умершим большевикам, вышедшим из могилы и выполняющим волю оживившего их колдуна. Конечно, наличие в стране контингента таких людей, да еще гиперактивных, не улучшает шансы коммунизма, но сильно ухудшает положение мягкого социал-демократического направления.

Каким может быть проект «нового коммунизма» (или, не используя такой шокирующий термин, «нового советского строя»? Уход активного крестьянского коммунизма на подсознательный уровень «архетипов» очень сильно меняет институциональную матрицу желаемого будущего жизнеустройства. Если смена вектора нынешнего развития произойдет до катастрофы, то можно предвидеть, что будущий строй будет складываться как система с принципиально большим разнообразием, нежели «первый советский строй». Большинство ограничений, которые предопределили тип жизни в старом СССР, утратили свою силу, нет нужды их восстанавливать. Коммунизм СССР обладал большим потенциалом для прорыва в постиндустриализм посредством «туннельного эффекта» – в отличие от социал-демократии, обязанной «исчерпать конструктивный потенциал капитализма». Этот потенциал можно оживить и быстро провести модернизацию хозяйства и быта, создать эффективную инновационную систему. Нынешний «переходный» тип государства и экономики таких возможностей не имеет.

Политический механизм «перехода» требует для разработки больших усилий, нежели конструирование «образа будущего». Предварительно можно сказать, что надо ожидать возникновения сильной партии, которую можно назвать «социал-демократической на российский манер», совмещающей стереотипы (расхожие суждения) социал-демократии с подсознательными архетипами русского коммунизма. Такие гибриды возможны и эффективно действуют, не вступая в борьбу с устоями национальной культуры. К несчастью, этого не получилось в начале XX века, но вполне может быть достигнуто сейчас. Если бы возникла

такая партия, достаточно интеллектуальная и честная, она бы завоевала культурную гегемонию, и вокруг нее сложился бы исторический блок, способный изменить ход событий.

Лекция 3

Доктрина российской реформы

Краткое название этого курса – *кризисное обществоведение*. На деле общие проблемы общества в состоянии кризиса мы затрагиваем лишь вскользь, по случаю. Наша главная тема это актуальный кризис вполне конкретного общества – Российской Федерации в конце XX и начале XXI века, в составе СССР или в окружении постсоветских государств. Этот кризис был вызван глубокими и радикальными изменениями в жизнеустройстве всех народов СССР («сменой общественного строя»). Состояние этих народов после 1991 года называли *переходным периодом*, а кризис – *трансформационным*. Однако надежды на быстрый переход к стабильной жизни и на эффективную трансформацию общества не сбылись, и для понимания природы этого кризиса требуются основательные исследования.

Для начала надо кратко изложить предысторию, не уходя в глубины истории, и выделить основные блоки доктрины «трансформации» советского строя. Сразу отметем наивные оправдания многих идеологов этого поворота, согласно которым они хотели «как лучше» и никакой доктрины у них не было, а «все как-то само собой покатило в кризис». Была и доктрина, и прогнозы кризиса, сбывшиеся с высокой точностью.

Вот ближайшая история нашего предмета. Советский проект был рожден в мировоззренческом и социальном столкновении русской революции и Гражданской войны. Он был крупной программой, продолжавшей развитие России как *цивилизации*. О частностях здесь можно спорить, но они не принципиальны. Часть этой программы успела реализоваться в советском строе, хотя его короткая жизнь в основном представляла собой экстремальные периоды горячих войн, а вся остальная часть – тяжелый период неравной «холодной» войны.

Соответственно структуре советского проекта складывалась противостоящая ему *антисоветская программа*, корнями также уходившая в период вызревания и взрыва революции. В целостном современном виде ее ядро сложилось в 60-е годы XX века в среде «шестидесятников». Я с 1960 года работал в Академии наук и помню все разговоры, которые непрерывно велись в лаборатории, на домашних вечеринках или в походе у костра – оттачивались аргументы против *всех существенных черт* советского строя.

Антисоветский проект «шестидесятников» не собран в каком-то одном большом труде, хотя и есть отдельные сборники с его более или менее связным изложением – например, книга-манифест «Иного не дано» (1988). Его сущность изложена в огромном количестве сообщений по частным вопросам, в «молекулярном» потоке идей, символов и метафор. Крупные фигуры – известные диссиденты – были лишь своего рода опорами, устоями всего этого движения, задавали его траекторию и мифологию. Близкие им духовно партийные деятели и члены научно-гуманитарной верхушки сотрудничали эффективно, но не явно.

В 1991 году вышел сборник статей А. Адамовича «Мы – шестидесятники» [1]. Он содержит перечисление тех фигур, которые составляли «мозговой центр» и организационный костяк этого движения. Эти «шестидесятники руководящего звена» в Москве или Минске запросто беседовали с Андроповым или Машеровым, а в США – с Робертом Кеннеди, который якобы в ванной под шум воды излагает Евтушенко секреты ЦРУ. Они имели широкий доступ к информационным и административным ресурсам, занимали ключевые посты в сфере духовного воздействия на общество. Шла их подпитка и внешними средствами. Советология в США досконально изучила все уязвимые точки советской системы, слабости, предрассудки и стереотипы советского мышления. Она работала не только на ЦРУ, но и на наших «шестидесятников».

Так и вызревало то, что мы обозначим словами *доктрина реформ*. Точнее было бы говорить о доктрине *революции* (так и квалифицировалась «трансформация СССР» социологами и здесь, и на Западе), но из политкорректности будем использовать официально принятый в России термин. Реформа так реформа, не будем отвлекаться.

В разработку этой доктрины была вовлечена значительная, если не большая часть интеллигенции, которая в постоянных дебатах совершенствовала тезисы, искала выразительные метафоры и образы. Избежать этого влияния было нельзя, антисоветские идеи и формулы превращались в привычные штампы, становились *стереотипами массового сознания*.

Проект «шестидесятников» уже обладал системными качествами, его развитие не прерывалось, и в конце концов он обрел материальную силу и был реализован в виде «антисоветской революции» конца XX века. Ее предварительной – «холодной» – фазой была *перестройка* Горбачева, в ходе которой была разрушена надстройка советского жизнеустройства, после чего стало возможным демонтировать и его базис.

Когда в 1988–1991 годах шел выбор доктрины реформы хозяйства и социальной сферы СССР (и РСФСР), «консервативная» часть экономистов, социологов и криминалистов отставала компромиссный вариант – увеличение разнообразия советской системы и создание новых («рыночных») структур путем «наращивания» их на существующую основу. «Радикальные» реформаторы предлагали осуществить *слом* практически всех систем советского жизнеустройства, обеспечить политическими средствами необратимость их демонтажа и построить рыночные системы производства и распределения по образцу «западных» (конкретно, англо-саксонских). Общественного диалога, парламентских и даже академических дебатов по выбору альтернативных доктрин не было. Верхушкой партийно-государственной номенклатуры было принято политическое решение о выборе *радикальной* доктрины. Ее реализация в полной мере началась после ликвидации СССР⁵.

В принципе, чтобы понять последний сорокалетний период нашей жизни, нам надо реконструировать антисоветский проект, который влиял на общественное сознание в целом, в том числе на сознание государственной элиты, которая в массе своей превратилась в нынешнюю экономическую элиту [56]. Но в нашем курсе мы будем касаться этой проблемы только вскользь, а целостная реконструкция антисоветского проекта – особая задача.

Доктрина реформы – тоже большая конструкция. Конечно, характер и глубина нынешнего кризиса не определяются только идеями и расчетами доктрины – не менее важна конкретная социальная практика реформаторов, не вполне предусмотренная доктриной, а также интересы и качества тех социальных сил, которые были рекрутированы для выполнения конкретных операций реформы. Но вспомнить эту доктрину необходимо, тем более, что в потоке драматических событий тех лет большинство граждан просто не могло вникнуть в ее смысл. Мы рассмотрим те черты доктрины реформы, которые задали направление основным процессам последних десятилетий и продолжают оказывать воздействие на ход событий сегодня.

Начнем с «внешнего» свойства этой доктрины, в котором, однако, выразилось «отношение к человеку как к вещи» – антропологическая установка реформы. Представление доктрины обществу сопровождалось *обманом* и *умолчаниями*. Это – обычное для политики явление, но в нашем случае оно наблюдалось в небывалых масштабах и в массовом порядке.

Ницше писал: «Кто хочет требовать от кого-либо другого чего-либо трудного, тот вообще не должен представлять дело в виде проблемы, а должен просто изложить свой план, как будто последний есть единственная возможность; и когда во взоре другого лица начи-

⁵ Эволюцию доктрины реформы можно проследить по трудам ведущих экономистов, близких к верховной власти времен перестройки, в частности, академика А.Г. Аганбегяна (см., например, [3]).

нает разгораться возражение, противоречие, он должен суметь быстро оборвать его и не дать ему опомниться».

Именно таким образом оглашались политические решения в ходе перестройки. Из мышления и языка была исключена сама проблема *выбора*, а вся политика опущена с уровня *бытия* до уровня *быта*. Дебаты шли только по поводу *решений*, как будто исторический выбор был задан стране откуда-то сверху и обсуждению не подлежал. Силами СМИ заставили людей принять абсурдную установку: «иного не дано» (или «альтернативы нет...»). Дальше в формулу подставлялись разные объекты: нет альтернативы перестройке, курсу реформ, рынку, Ельцину и т. д. При этом широко использовался прием внушения, который выражается поговоркой «поезд уже ушел». Мол, назад пути нет, слишком многое уже разрушено, и теперь уж, делать нечего, надо продолжать реформы.

Перестройка велась под лозунгом «Больше социализма! Больше социальной справедливости!» А в 2003 году идеолог перестройки А.Н. Яковлев прямо говорил: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен – лукавил не раз. Говорил про «обновление социализма», а сам знал, к чему дело идет... Есть документальное свидетельство – моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 года, т. е. в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано».

Истинный экономический проект реформы был населению неведом, а задуматься не было времени – не давали опомниться непрерывным потоком сообщений о скандалах, катастрофах и небывалых преступлениях. М.С. Горбачев отверг целеполагание как обязательную функцию государства, с самого начала заявив: «**Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ.**»

Никто и не просил у него педантичного ответа, спрашивали об общей цели, о векторе движения страны в *переходный* период. Умолчание было принципиальной позицией. Оно сочеталось с прямым обманом.

В 1988–1990 годах правительство готовило законы, сломавшие плановую экономику. Заместитель премьер-министра Л.И. Абалкин, излагая эти планы на Западе, сказал, что в результате этого в СССР, по оценкам, возникнет безработица в размере 30–40 млн человек. А внутри страны Горбачев успокаивал: «**На страницах печати были и предложения, выходящие за пределы нашей системы, в частности, высказывалось мнение, что вообще надо бы отказаться от плановой экономики, санкционировать безработицу. Но мы не можем допустить этого, так как собираемся социализм укреплять, а не заменять его другим строем. То, что подбрасывается нам с Запада, из другой экономики, для нас неприемлемо.**»

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2004 года В.В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы. Вторым этапом было время расчистки завалов, образовавшихся от разрушения "старого здания"... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Реформа 1990-х годов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики, а оказывается, что это был ее *демонтаж*, причем грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а разумные граждане никогда бы не дали такого согласия. Ни в одном документе не было сказано, что готовился *демонтаж экономической системы* России. Власть следовала *тайному* плану. В любом государстве уничтожение «половины экономического потенциала» страны было бы квалифицировано

как измена Родине или вражеская диверсия в беспрецедентно крупном размере. И уж это никак не могло бы пройти без внятного объяснения власти с обществом, без того, чтобы дать оценку такой реформе с точки зрения законов и канонов государственной безопасности.

Важной стороной представления доктрины было «принижение» всех проблем и явлений (по выражению Ницше, «подмена проблемы планом»). С самого начала перестройки все будущие изменения подавались людям как «улучшения», не меняющие основ жизненного уклада. Лишь из специальных работ можно было понять масштаб начинавшейся ломки. В 1990-е годы – то же самое. Продают за бесценок Норильский комбинат – тут же с телеэкрана всех успокаивает министр: да что вы, какая мелочь, зато из этих денег учителям зарплату выплатят за октябрь. И так – обо всем. Положение изменилось мало и сегодня.

Обман и умолчание, поначалу облегчая политикам задачу «дезактивации» общества при проведении антисоциальных реформ, затем ведут к нарастающим издержкам в виде утраты легитимности власти и ее действий, массовой аномии («безнормности») и преступности. Раскол между обществом и государством не закрывается, а углубляется, подпитываясь коллективной памятью (см. [39]).

Вторая особенность доктрины реформ – игнорирование *реальных свойств и специфики реформируемого объекта*, России конца XX века. Старое утверждение гласит, что «искусство управлять является разумным при условии, что оно соблюдает природу того, что управляется». Эта мысль считается настолько очевидной, что М. Фуко называет ее *пошлостью*. Но верховные правители СССР и России, начиная с Горбачева, принципиально не признавали этого условия. Они открыто провозгласили, что будут управлять государством и обществом России *вопреки* их природе, ломая и переделывая их устои. Они даже бравировали тем, что эту природу не знают и презирают.

Так, на лекции 29 апреля 2004 года один из разработчиков доктрины, Симон Кордонский, излагает историю работы над нею. Он выделяет главную черту ее авторов: **«Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства – то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени... Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность – вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю»** [77].

Для человека с реалистическим сознанием это признание покажется чудовищным. Такая безответственность не укладывается в голове, но это говорится без всякого волнения, без попытки как-то объяснить такую интеллектуальную аномалию.

Экономист В. Найшуль, который участвовал в разработке доктрины, даже опубликовал в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Это нелепое утверждение! Православные страны есть, иные существуют по полторы тысячи лет – почему же их экономику нельзя считать нормальной?⁶ Странно как раз то, что российские экономисты вдруг стали считать нормальной экономику Запада – недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества. Если США, где проживает 5 % населения Земли, потребляют 40 % минеральных ресурсов,

⁶ Иногда пафос реформаторов доходил до гротеска. Вот что можно было прочесть в «Вопросах философии» в 1993 году: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)».

то любому овладевшему арифметикой человеку должно быть очевидно, что хозяйство США никак не может служить нормой для человечества.

Вопреки этому одна из главных идей реформы сводилась к переносу в Россию англосаксонской модели экономики. Эта идея выводилась из примитивного евроцентристского мифа, согласно которому Запад через свои институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития в его чистом виде.

В.А. Найшуль писал в важной перестроечной книге (1989): **«Рыночный механизм управления экономикой – достояние общемировой цивилизации – возник на иной, нежели в нашей стране, культурной почве... Чтобы не потерять важных для нас деталей рыночного механизма, рынку следует учиться у США, точно так же, как классическому пению – в Италии, а праву – в Англии».**

Надо, мол, найти «чистый образец» – и научиться у него. Но это совершенно ложная установка, противоречащая и тому знанию, что накопила наука относительно взаимодействия культур, и здравому смыслу. В наше время эту установку уже надо считать иррациональной, элементом мракобесия.

Изучение контактов культур с помощью методологии структурализма привело к выводу, что копирование невозможно, оно ведет к подавлению и разрушению культуры-реципиента, которая пытается «перенять» чужой образец. При освоении достижений иных культур необходим *синтез*, создание новой структуры, выращенной на собственной культурной почве. Так, например, была выращена в России наука, родившаяся в Западной Европе.

Утверждение, что «рынку следует учиться у США, а праву – в Англии», иррационально. И рынок, и право – большие подсистемы культуры, в огромной степени сотканые *особенностями* конкретного общества. Обе эти подсистемы настолько переплетены со всеми формами человеческих отношений, что идея «научиться» им у какой-то одной страны находится на грани абсурда. Почему, например, праву надо учиться в Англии – разве во Франции не было права или Наполеон был глупее Дизраэли или Гладстона? А разве рынок в США лучше или «умнее» рынка в Японии или Сирии?

Да и как вообще можно учиться рынку у США, если сиамериканским близнецом этого рынка, без которого он просто не мог бы существовать, является, образно говоря, «морская пехота США»? Это прекрасно выразил Т.Фридман, советник Мадлен Олбрайт: **«Невидимая рука рынка никогда не окажет своего влияния в отсутствие невидимого кулака. Макдональдс не может быть прибыльным без МакДоннел Дугласа, производящего F – 15. Невидимый кулак, который обеспечивает надежность мировой системы благодаря технологии Силиконовой долины, называется Вооруженные наземные, морские и воздушные силы, а также Корпус морской пехоты США».**

Учиться у других стран надо для того, чтобы понять, почему рынок и право у них сложились так, а не иначе, чтобы выявить и понять суть явлений и их связь с другими сторонами жизни общества. А затем, понимая и эту общую суть явлений, и важные стороны жизни *нашего* общества, переносить это явление на собственную почву (если ты увлечен странной идеей, что в твоей стране ни рынка, ни права не существует). Не для того, чтобы копировать, а чтобы понять.

Никаких шансов на успех реформа, основанная на имитации, не имела. Народное хозяйство и жизнеустройство любой страны – это большая система, которая складывается *исторически* и не может быть переделана исходя из доктринальных соображений. Выбор за образец для построения нового общества России именно США – страны, созданной в иных природных условиях и на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице, не находит рациональных объяснений.

Один из патриархов философии либерализма Дж. Грей пишет: **«Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, чего им следует опасаться; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях»** [44, с. 192].

Дело вовсе не в идеологии, речь идет об исторически заданных *ограничениях* для выбора модели развития. То, что писал Дж. Грей в годы перестройки, не было никаким секретом для советских обществоведов. Эта проблема была предметом интенсивных дебатов в общественной мысли России начала XX века, когда в жесткой борьбе сравнивались альтернативные проекты модернизации страны. Идея повторить в конце XX века неудавшуюся программу российских либералов начала века казалась не просто странной, но и страшной. Она и сегодня кажется безумной. 90-е годы XX века, грубо говоря, лишили Россию шанса построить мягкий капитализм социал-демократического толка. «Дикий капитализм» – это историческая ловушка, и эволюционного выхода из нее пока не видно.

Несмотря на все предупреждения, никакого стремления к рефлексии по отношению к *методологическим* основаниям доктрины реформ в среде обществоведов не наблюдалось – за исключением отдельных личностей, которые при настойчивой попытке гласной рефлексии становились диссидентами профессионального сообщества. Американские эксперты, работавшие в РФ, пишут в своем докладе: **«Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык скрытых сталинистов»** [155, с. 67]. В те годы этот ярлык означал маргинализацию человека как профессионала. Но здесь для нас гораздо важнее представления, господствующие в сообществе как целостности, *мэйнстрим*.

Так и вышло, что главным принципом наших реформаторов стала *имитация* Запада. Вот, например, рассуждения Л. Пияшевой, видного экономиста перестройки (1990): **«Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого "экономического чуда" на нашу территорию... Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу "дух предпринимательства" возродит в стране и волю к жизни, и "протестантскую этику"»**.

Здесь вера в имитацию сопряжена, как это часто бывает, с невежеством. Как можно *возродить* в России протестантскую этику, если страна была православной и протестантской Реформации не претерпела!

Реформаторы приняли к исполнению программу МВФ, которая была разработана, чтобы вышибать долги из слаборазвитых стран. Было хорошо известно, что эта жесткая программа разрушала национальные экономики. Пытаться с ее помощью построить в России рыночную экономику было неразумно (если только эта программа не служила ширмой для других целей)⁷.

Доктрина реформ отвергала национальные традиции России совершенно определенно и осознанно. В. Найшуль, считающий себя теоретиком реформы, признает в 2004 году: **«Проблема, которая до сих пор не решена, – это неспособность связать реформы с традициями России. Неспособность в 1985-м году, неспособность в 1991-м, неспособность в 2000-м и неспособность в 2004 году – неспособность у этой группы [авторов доктрины реформ] и неспособность у страны в целом. Никто не представляет себе, как сшить эти**

⁷ Современный философ либерализма Дж. Грей писал о программе МВФ: «Она утопична в своем игнорировании или отрицании той истины, что рыночные институты стабильны тогда и только тогда, когда они укоренены в совокупности культурных форм, ограничивающих и наполняющих смыслом их деятельность» [44, с. 203].

две вещи. То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают. Скажем, начиная от наукоемких отраслей и банковского сектора, кончая государственным устройством, судебной и армейской реформой. Список можно продолжить» [102].

Таким образом, авторы доктрины и не отрицают, что для реформаторов была характерна «неспособность связать реформы с традициями России» (на неспособность у «страны в целом» нечего кивать, это негодная риторика)! Найшуль вскользь высказал важный тезис реформаторов: **«То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают».**

Вопрос: где в России реформаторы нашли *«голое место»*? Что означает это понятие? Какая часть бытия России не обладает «культурой и традицией»? Найшуль использовал применительно к российской реформе понятие, применяемое колонизаторами в отношении земельных угодий аборигенов. Голландский юрист Гроций в трактате «О праве войны и мира» (1625) определил, по какому праву колонизаторы могут отнимать землю у местного населения. Он выводил его из принципа римского права *res nullius* (принцип *«пустой вещи»* или *«голового места»*), который гласил, что неводеланная земля есть «пустая вещь» и переходит в собственность того, кто готов ее использовать. Этот принцип стал общим основанием для захвата земель европейскими колонизаторами, и уже в XIX веке земельные угодья в Африке, Полинезии и Австралии были присвоены практически полностью, а в Азии – на 57 %. Теперь принцип *res nullius* фигурирует в языке теоретика реформы в России.

Важным мировоззренческим основанием доктрины реформы стал *социал-дарвинизм* – представление о человеческом обществе как части природы. Произошла *натурализация социального*. Это тяжелый провал в рациональности и в культуре, странный откат на целое столетие, тем более неожиданный, что он произошел в среде интеллигенции России.

Н. Бердяев писал, незадолго до смерти, о народнике Н. Михайловском: **«Он обнаружил очень большую проницательность, когда обличал реакционный характер натурализма в социологии и восставал против применения дарвиновской идеи борьбы за существование к жизни общества. Немецкий расизм есть натурализм в социологии. Михайловский защищал русскую идею, обличая ложь этого натурализма... Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство... Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше» [15].**

Это отрицание натурализма в обществоведении к концу XIX века стало общепринятым в культуре России, что отмечено в западной литературе как важный факт истории мировой культуры (см. [129]). Но ведь и на самом Западе натурализация социального уже воспринимается в образованных слоях как анахронизм (см. [165]). А в России под флагом «демократизации» окол властные интеллектуалы подводили «научную базу» под натурализацию общественных процессов, которая произошла в сознании властной элиты. Притом этой натурализации придавались черты радикального социал-дарвинизма и мальтузианства.

Академик Н.М. Амосов, ставший одним из ведущих духовных авторитетов в среде интеллигенции, в 1988 году выпустил манифест, проникнутый самым дремучим социал-дарвинизмом. А в «Вопросах философии» он так определял сущность человека: **«Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству. За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу – ее силь-**

ное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых» [7].

Более того, даже директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков, ныне академик РАН, в 1992 году бывший Председателем Госкомитета по делам национальностей, в интервью 1994 года утверждает: **«Общество – это часть живой природы. Как и во всей живой природе, в человеческих сообществах существует доминирование, неравенство, состязательность, и это есть жизнь общества. Социальное равенство – это утопия и социальная смерть общества» [139].**

И это – после фундаментальных трудов антропологов, показавших, что отношения эксплуатации и конкуренции есть продукт исключительно *социальных* условий, что никакой *«природной»* предрасположенности к ним человеческий род не имеет. Жизнь показала несостоятельность антропологической модели, в которой человек представлен как индивид, ведущий гоббсову «войну всех против всех». Но российские обществоведы, консультирующие власть, продолжают исходить из принципов методологического индивидуализма и берут *homo economicus* как стандарт для модели человека.

Социал-дарвинизм в приложении к человеку был распространен в доктрине реформ и на хозяйство. Экономические явления и процессы объяснялись «видовыми» различиями между социальными группами. Вот философские рассуждения «Новой газеты» о крупном капитале, созданном в ходе реформы:

«Глупо отрицать, что олигархические капиталы в России выросли на общенародной собственности (была у нас когда-то такая). Наши ротшильды взяли то, что плохо лежало, а некоторые и вовсе залезли в карман государству. Но давайте зададимся вопросом: так ли уж это несправедливо? И вообще уместно ли в данной ситуации ставить вопрос о справедливости? Судить об олигархах с точки зрения морали – все равно что ругать львов за то, что они поедает антилоп. Они – элита общества и потому руководствуются иными, нежели обычные люди, принципами.

Да, российские олигархи лишены нравственных предрассудков. Но только благодаря этому они и выжили в прямом смысле этого слова и выдвинулись на первые роли в жесточайшей конкурентной борьбе, на деле доказав свое право владеть лучшими кусками российской экономики. Нас же не удивляет, почему самый сильный и опытный лев не охотится, но тем не менее первым поедает добычу, которую ему приносят члены прайда. Таков закон природы: сильнейшему достается все. Человеческое общество по своей природе мало чем отличается от прайда. На вершине социальной пирамиды и оказываются самые оборотистые и проворные.

Олигархов обвиняют в том, что они выводят свои активы в офшорные зоны и покупают дорогую недвижимость за границей. Но, положив руку на сердце, ответьте: вы бы стали вкладывать миллионы долларов в нынешнюю Россию?

Президент должен определить, кто поведет экономику России вперед, сделав ставку на таких прагматиков, как Вексельберг, сумевших сколотить огромную финансово-промышленную империю, охватывающую не только отдельные города, но и целые регионы» [145].

В официальной идеологии реформы стало общепринятым утверждение, будто рыночная экономика (капитализм) является *«естественным»* типом хозяйства – в отличие от советского, *«неестественного»*. Экономист, многолетний декан факультета экономики МГУ Г.Х. Попов заявил в своей книге «Что делать»: **«Социализм пришел, как нечто искусственное, а рынок должен вернуться, как нечто естественное»⁸.**

⁸ Заметим, что он смущается и подменяет равноположенное понятие эвфемизмом, противопоставляя социализму капитализм, он заменяет это слово туманным термином «рынок».

А ведущий радио «Свобода», писатель и публицист А. Стреляный, выступая 18 мая 2001 года, сказал, например: «Все советское народное хозяйство, от первого тракторного завода до последней прачечной, появилось на свет неестественным путем. Не рынок, не потребитель решал, где строить тот или иной завод или мастерскую, что там клепать и сколько, а чиновник, Госплан. Эти искусственные создания (артефакты) и существовать могли только в искусственной среде, что значит за счет казны, а не потребителя».

Поразительно, как с помощью идеологии удалось замечательным образом стереть в общественном сознании вполне очевидную вещь – хозяйство, а тем более экономика, суть явление *социальное*, присущее только человеческому обществу. Это порождение культуры, а не явление природы. Называть «естественным» завод, построенный «по указке потребителя, а не Госплана» – глупость. Это такой же «артефакт», могущий «существовать только в искусственной среде». Ну как могли наши экономисты, философы и социологи столько лет слушать подобную чушь и поддакивать ей!

Рыночная экономика тем более не является чем-то *естественным* и универсальным. Уж если на то пошло, естественным всегда считалось именно нерыночное хозяйство, хозяйство ради удовлетворения потребностей – потому-то оно и обозначается понятием *натуральное хозяйство*. Разве не странно, что образованные люди перестали замечать эту отраженную в языке сущность.

Рыночная экономика – *недавняя* социальная конструкция, возникшая как глубокая мутация в очень специфической культуре Запада. Только равнодушием нашей гуманитарной интеллигенции к фундаментальным категориям можно объяснить тот факт, что в массе своей она даже не попыталась вникнуть, какого типа жизнеустройство реформаторы пытаются навязать России.

Давно, с начала XX века стало понятно, что капитализм (рыночная система) – это особая, уникальная *культура*. Совмещение ее с иными культурами – огромная и сложная проблема. Наши реформаторы эту проблему просто игнорировали.

Для доктрины реформ были характерны наивные, в конце XX века совершенно иллюзорные представления о структуре той **мировой капиталистической системы**, в которую они собирались «вернуть» Россию. Похоже, что теоретики реформы, вроде В. Найшуля, начитались учебников политэкономии и уверовали в постулат Маркса из предисловия к «Капиталу», который гласит, что «промышленно развитые страны показывают отставшим их будущее». Этот постулат ошибочен, мировая капиталистическая система сложилась как система «центр-периферия», причем разделение между ними таково, что страны периферии развиваются по совершенно иному пути, нежели центр. Вырваться из этой системы и провести индустриализацию и модернизацию можно только пройдя по собственному пути, очень отличному от пути Запада (как это было сделано в СССР, Японии, Китае и сейчас в ряде других стран).

Все это было достаточно хорошо известно уже в начале XX века (вспомним хотя бы обязательную для советского вуза работу Ленина об империализме – прочитайте ее сегодня!), а уж в послевоенное время разработано досконально. Не нравятся Ленин или Бродель (их отвергают как «приверженцев справедливости») – возьмите Макса Вебера! Изучая, начиная с 1904 года, события в России, М. Вебер приходит к фундаментальному выводу: *«слишком поздно!»*. Успешная буржуазная революция в России **уже тогда** была невозможна. И дело было не только в том, что в массе крестьянства господствовало мировоззрение, несовместимое с буржуазно-либеральным общественным устройством. Главное препятствие, с точки зрения Вебера, заключалось в том, что Запад уже закончил буржуазно-демократическую модернизацию и не мог принять в себя новых членов масштаба России.

Принятие для России правил «рыночной экономики» означает включение либо в *ядро* мировой капиталистической системы (метрополию), либо в *периферию*, в число «придат-

ков». Никакой «независимой рыночной России», не входящей ни в одну из этих подсистем, быть не может. Это стало ясно уже в начале XX века, перспектива стать частью периферии западного капитализма и толкнула Россию к советской революции как последнему шансу выскочить из этой ловушки.

Когда набрала обороты реформа в России, один из ведущих исследователей глобальной экономики И. Валлерстайн писал специально для российского журнала: **«Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное "ядро" и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии»** [28].

Вопрос был вполне ясен, и господствующее меньшинство, представлявшее союз очень разных социальных групп России, сделало в конце 1980-х годов сознательный исторический выбор. Было решено не реформировать, а *демонтировать* то народное хозяйство, которое сложилось в России и обеспечивало ей политическую и экономическую независимость, и стать частью периферии мировой капиталистической системы. Этот утопический проект и привел к глубокому кризису, который стал для России исторической ловушкой.

В 1996 году целая группа видных американских экономистов (из школы Гэлбрайта), работавших в РФ, была вынуждена признать: **«Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества».**

Это – очень серьезное суждение о российском обществоведении, мимо которого нельзя проходить.

Приложение

Исследование 1993 года показало: «Лишь 13 % советской правящей элиты конца 80-х годов оказались сегодня за пределами круга руководящих работников. Треть партийной номенклатуры сегодня находится на высшем уровне государственного управления, а еще треть занимает командные позиции в экономике. Если же опять чуть-чуть расширить границы элитарных должностей за счет "предэлитных" позиций или "второго эшелона элиты", то мы найдем в этом кругу более 80 % партийной номенклатуры» [56].

Авторы исследования ВЦИОМ «Ценностные ориентации советских и постсоветских элит» (1995) дали сравнение установок *двух контингентов элиты* («перестроечной» и «новой») и *массового сознания*. В целом оно показывает очень большое сходство взглядов *обеих* привилегированных групп – и их резкий разрыв со взглядами населения в целом. В двух важных пунктах доктрины реформ разрыв был выражен в наибольшей степени. Первый – это отношение к экономическому либерализму и роли государства в экономике. Выражено это в ответах относительно утверждения «Государство должно устанавливать твердые цены на большинство товаров» (население – «за» твердые цены, а элита «не согласна»). Второе утверждение более фундаментально: **«Переход к рыночной экономике необходим для выхода из кризиса и процветания России»**. С ним согласны оба контингента элиты, но к нему очень скептически относится население в целом [39].

Видный американский антрополог М. Салинс пишет о тенденции «раскрывать черты общества через биологические понятия»: **«По крайней мере начиная с Гоббса склонность западного человека к конкуренции и накоплению прибыли смешивалась с природой, а природа, представленная по образу человека, в свою очередь вновь использовалась для объяснения западного человека. Результатом этой диалектики было оправдание характеристик социальной деятельности человека природой, а природных законов – нашими концепциями социальной деятельности человека... Адам Смит дает социальную версию Гоббса; Чарльз Дарвин – натурализованную версию Адама Смита и т. д.**

С XVII века, похоже, мы попали в этот заколдованный круг, поочередно прилагая модель капиталистического общества к животному миру, а затем используя образ этого «буржуазного» животного мира для объяснения человеческого общества... Похоже, что мы не можем вырваться из этого вечного движения взад-вперед между окультуриванием природы и натурализацией культуры, которое подавляет нашу способность понять как общество, так и органический мир. В целом, эти колебания отражают, насколько современная наука, культура и жизнь в целом пронизаны господствующей идеологией **собственнического индивидуализма**» [165].

Лекция 4

Этничность

Подход к кризису России в нашем курсе вынужденно будет представлен в стиле импрессионизма. Проблемы будут ставиться и излагаться грубо, крупными мазками, а потом дополняться – при «втором приближении». Состояние общества в кризисе будет рассмотрено в таких главных срезях: изменения в структуре общества; изменения в хозяйстве, культуре и государственной власти; системные угрозы для России как целого; методологические проблемы осмысления кризиса.

Рассмотрим проблему *этничности* как атрибута личности и общности в одном из двух главных срезов структуры общества: социального и культурного. Начинаем с культурного среза, конкретно, с этнического. Здесь были нанесены самые тяжелые удары по советскому обществу и государственной системе, здесь заложены самые опасные мины под бытие постсоветской России. Здесь – и особые методологические трудности, трудно преодолимый провал российского обществоведения.

Изложу эту огромную тему в виде тезисов – как канвы для собственных размышлений и сомнений слушателей.

1. Человек – существо *общественное*. Когда мы рассматриваем общественные процессы через призму национальных отношений, сразу сталкиваемся с понятием *этнос*, а также с производными от него понятиями *этничность*, *этнизация*, *этноцентризм*, *этническое меньшинство*, *этнический конфликт*, *этническое насилие* и даже *этноцид*.

С самого возникновения человека как вида он существует как общности – семьи соединялись в роды и общины, из них возникали племена, развитие государства превращало племена в народы, населяющие страны. Племя, народность, народ, национальность, нация – для всех них этнос является общим, «родовым» понятием. У нас в этом смысле обычно применяется слово народ.

2. Придерживаясь различных представлений о *происхождении* этничности, большинство ученых признает, что общность людей, сложившаяся как этнос, есть присущая человеческой истории форма жизни, подобно тому, как животному миру присуща форма биологического вида. Из этого следует, что развитие человеческой культуры происходило не путем ее равномерной беспорядочной «диффузии» по территории Земли, а в виде культурных *сгустков*, создателями и носителями которых и были сплоченные общности – этносы.

Греческое слово «этнос» в древности означало любую совокупность одинаковых живых существ (такую, как стадо, стая и пр.). Позже оно стало использоваться и для обозначения «иных» – людей, говорящих на непонятных языках (в смысле, близком к слову «варвары»). В дальнейшем слово «этнический» употреблялось, когда речь шла о неиудеях и нехристианах. В церковном языке оно означало язычество и языческие суеверия. В западноевропейское богословие слово «этнический» в этом смысле вошло в 1375 году. Позже оно проникло в светский язык и стало использоваться для обозначения культур, непохожих на европейские.

В конце XIX века *этническими* называли любые сообщества людей, непохожих на «цивилизованных». Любую самобытную культуру называли *этнической* (как иронизируют этнологи, «своя культура этнической быть не могла»). Например, в США этническими назывались индейские сообщества, потом социологи стали называть так группы иммигрантов («этнические поляки» и пр.), а во второй половине XX века «этничность обрели практически все».

3. В текстах многих ученых наминается: «Этничность (*ethnicity*) – термин, не имеющий в современном обществоведении общепринятого определения». Это утверждение надо понимать так, что сложное явление этничности принимает определенный смысл лишь в определенном контексте, который при строгих рассуждениях требуется специально оговаривать.

В этом нет ничего необычного. Подобных явлений множество. Им, как и этничности, в *принципе* нельзя дать так называемого «замкнутого» определения. Их определение складывается из содержательных примеров, и чем больше таких примеров, тем полнее и полезнее становится определение. Есть, например, такое многим известное явление, как *жизнь*. А четкого определения, независимого от контекста, этому явлению дать не удастся.

Наши представления об этносах выражены в понятиях Просвещения. С конца XIX века мышление нашей интеллигенции находилось под влиянием исторического материализма (марксизма) – одной из главных концепций Просвещения. В отношении этничности (и связанных с ней понятий народа и нации) конкурирующие с марксизмом либерализм и национализм принципиально не отличались.

Но XX век обнаружил крах универсализма Просвещения. Само явление этничности как одного из наиболее мощных видов человеческой солидарности целиком выпало из сферы внимания европейской культуры. Этничность стала рассматриваться как архаичная особенность «диких», почти мифических народов, живущих где-то в сельве или тайге⁹.

После первой мировой войны и революций в России и Китае стала разрушаться колониальная система Запада – при этом этническое самосознание вырвалось с такой силой, которая не укладывалась в рамки рациональности Просвещения. Потерпела крах система межнационального общежития, созданная в Австро-Венгрии и Российской империи. После Второй мировой войны распалась колониальная система, а в конце XX века произошел распад системы межнационального общежития в СССР.

Вместо классовой борьбы на арену вырвалась борьба в этнических и националистических доспехах. И эти общественные явления оказались гораздо сложнее вроде бы понятных социальных. Так, за последние десятилетия в разных частях мира произошли массовые убийства и настоящие акты геноцида под знаменами разных форм национализма.

Взрывы этнического сознания опрокинули все исторические предсказания левых, правых и центристов XX века. Нам говорили, что эти формы сознания окончательно исчезнут под влиянием индустриального капитализма, демократического государства и глобализации. На деле за период с 1980 по 1995 год в мире произошло 72 гражданские войны на этнической, национальной, религиозной и расовой почве. После 1995 года обстановка еще более обострилась.

4. Каковы причины такой слепоты? Реформация, а затем Научная революция (возрождение атомизма) произвели в Западной Европе культурную мутацию, породив совершенно новое представление человека о себе самом. Человек стал *индивидом*, свободным *атомом*, и это было закреплено как догма. Эта догма вошла в массовое сознание европейцев. Она поддерживалась всеми институтами буржуазного общества: и укладом капитализма, и образом жизни человека, и социальными теориями.

Нежелание либеральных философов оторваться от индивидуализма, представляющего человека «свободным атомом», не дает принять эти вызовы реальности. Если учесть, какую

⁹ В 1990 году, когда уже стали обыденным явлением этнические войны в Азии и Африке, а затем и в самой Европе (Кавказ, Балканы), я работал в университете в Испании. На одном семинаре я задал коллегам вопрос, как они представляют себе понятие этничности. Уважаемый профессор университета Сарагосы ответил мне, что в Европе этничности давно нет, она сохранилась как реликтовое явление лишь у малых народностей самых слаборазвитых стран. Это при том, что испанские газеты ежедневно уделяли около 10 % своей площади сепаратизму и терроризму баскских организаций, выступающих под флагом этнического национализма.

силу набрал Запад, то либеральный фундаментализм надо считать угрозой существованию человечества.

Либеральный философ Дж. Грей пишет, что ошибочное представление человека как индивида заставило либерализм отбросить этничность и национализм как недоступное пониманию отклонение от нормы. Это резко снизило познавательные возможности либерализма.

Рассмотрим содержание понятия *этнос*.

Первый признак того, что стоит за словом этнос, состоит в том, что им обозначаются общности, имеющие *самоназвание* (неважно даже, сама ли общность его для себя изобрела или его ей навязали извне). Нет народа без *имени*. Раз у общности есть самоназвание, значит, у нее есть и *самосознание*.

Там, где это понятие уже вошло в обыденное сознание и стало привычным, люди считают, что этничность – вещь *естественная* и существовала всегда и везде. В действительности эта классификация людей появилось не слишком давно.

Совсем недавно категория национальности (этничности) была неизвестна и недоступна для понимания жителям некоторых областей, даже в Европе. Во время первой переписи 1921 года в восточных районах Польши, вышедшей из состава Российской империи, крестьяне на вопрос о национальности часто отвечали: «тутейшие» (местные). На вопрос о родном языке они отвечали: «говорим попросту» (т. е. как простые люди, не как паны). В быту они делили себя на людей «с польской верой» (католиков) и людей «с русской верой» (православных). Сегодня этих крестьян однозначно зачислили бы в белорусы (в соответствии с их разговорным языком), но сами они свое отличие от господ (поляков-католиков), мыслили как *социальное* и *религиозное*, а не этническое.

5. Само явление этничности возникает (или выявляется) лишь тогда, когда люди идентифицируют себя как *принадлежащие* к какому-то конкретному этносу и отличают себя от *иных* этносов. В некоторых исторических условиях у людей и не возникает такой потребности. В совокупности их жизненных процессов процесс этнической идентификации отсутствует (или, как говорят, в «идентификационном пространстве личности» занимает незначительное место). Значит, этничности как *статическому*, более или менее устойчивому свойству человеческой общности соответствует *процесс* этнической идентификации.

В процессе идентификации идет работа по «формированию образов» – этническим общностям приписываются определенные культурные и другие характеристики. Некоторые наглядные элементы этой системы входят в обиход как этнические *маркеры* – стереотипные, привычные черты образа. Этническими маркерами могут быть внешние антропологические характеристики или наследственные физиологические особенности организма (например, недостаток в крови фермента, окисляющего спирт, из-за чего человек быстро пьянеет). Сложными маркерами могут служить этнические психозы, присущие лишь определенным общностям (например, шизофрения у европейцев). Как замечают этнологи, маркер может не иметь никакой «культурной ценности», он всего лишь позволяет быстро и просто различить «своих» и «чужих».

Вот Ветхий завет (Книги Судей, 12, 5–6) – эпизод со словом «шибболет» (колос), которого не могли произнести ефремляне. Это незначительное этническое различие внезапно стало «вопросом жизни и смерти» (в эпизоде дано одно из первых описаний геноцида): **«И перехватили Галаадитяне переправу через Иордан от Ефремлян, и когда кто из уцелевших Ефремлян говорил: "позвольте мне переправиться", то жители Галаадские говорили ему: не Ефремлянин ли ты? Он говорил: нет. Они говорили ему: скажи: "шибболет", а он говорил: "сибболет", и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, закололи у переправы через Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи».**

Для «узнавания» своего этноса нужно его соотнесение с другим, т. е. необходимо наличие в зоне видимости других этносов, не похожих на свой. Различение людей по этническим признакам устанавливает *этнические границы*. Говорится, что этнос существует благодаря этнической идентичности членов группы, основой которой являются этнические границы.

Критерии для проведения этнических границ и применяемые при этом маркеры различны в разных культурах, да и сами границы не являются «объективными» и неподвижными.

Например, чернокожие граждане США, поселившиеся в Америке вместе с первыми европейскими иммигрантами и уже четыре века говорящие на английском языке, официально считаются отдельной этнической группой, и эта их идентичность сохраняется. Считается, что первопричиной ее возникновения была социальная граница между рабами и господами. Черный цвет кожи стал восприниматься как маркер, обладающий отрицательным смыслом, – как клеймо (*stigma*) на человеке с низким социальным статусом.

Напротив, в Бразилии чернокожие не считаются этнической группой, и цвет кожи не учитывается в официальных документах (например, в переписях населения).

6. На наших глазах менялись условия бытия, и в некоторых общностях процесс их идентификации ослабевал или усиливался – одни и те же люди то называли себя русскими, то вдруг оказывались прирожденными евреями или находили и выпячивали свои немецкие корни. Сравнительно недавно в судьбе русских большую роль играли сильные соседние народы – половцы и печенеги. Потом по каким-то причинам, которые до нас не дошли, их потребность в идентификации себя как половцев и печенегов угасла, и они совершенно незаметно для себя и для соседей растворились в других народах.

Вот близкий нам пример: тюрко-язычные группы – качинцы, кизыльцы, койбалы, бельтиры, сагайцы, – в советское время были объединены в народ под названием «хакасы». Аналогично произошло создание «аварской народности» в Дагестане из лингвистически сходных групп. Но при микропереписи 1994 года некоторые «аварцы» предпочли записать себя андиями, ботлихцами, годоберинцами, каратаями, ахвахцами, багулалами, чамалалами, тиндиями, дидоями, хварщинами, капучинами или хунзалами.

Но все, о чем мы говорили выше, относится лишь к формальному обозначению видимых сторон явления этничности. Главное же – в понимании сущности явления. Где оно кроется? Как возникает? Какому миру принадлежит – миру природы или миру культуры? Именно в таком понимании этничности возникли две несовместимые концепции, которые развиваются по двум непересекающимся траекториям. Обе они корректируются и наполняются новым и новым фактическим материалом. Оба сообщества ученых, принимающих ту или иную концепцию, находятся в диалоге, следят за работами друг друга и выступают друг для друга оппонентами. Здесь мы их кратко обозначим, а затем изложим каждую концепцию отдельно.

Как научная дисциплина этнология возникла под давлением практических задач, возникших при становлении колониальной системы, и усилия ученых были направлены на описание и изучение неевропейских народов, находившихся под властью европейцев. Как говорят, исследования в этих науках «выполнялись европейцами для европейцев».

По выражению К. Леви-Стросса, прикладная антропология родилась под сенью колониализма. Это дало основание многим авторам левых взглядов неприязненно относиться к этнологии как чему-то вроде «продажной девки империализма». Эта позиция, на мой взгляд, неразумна. Да, любая общественная наука обслуживает идеологию и власть. Но при этом (и даже именно поэтому) она получает достоверные знания и вырабатывает объективные методы познания, ценность которых далеко выходит за рамки потребностей власти. Эти знания и эти методы надо осваивать независимо от отношения к «заказчикам».

Власти США уже в 1860 году привлекали антропологов к управлению индейскими сообществами. Но систематически стали использовать антропологов англичане. В некоторых колониях была введена официальная должность правительственного антрополога. Развитие этнологии было сопряжено с острыми идеологическими проблемами и сопровождалось конфликтами. Так, в 1863 году произошел раскол Лондонского этнологического общества в связи с расовой проблемой, обострившейся в ходе гражданской войны в США.

Необходимость познания этничности с помощью *научной* методологии обострилась в период *империализма*, когда вторжение западного капитализма дестабилизировало традиционные общества и вызвало множество конфликтов, структуру и динамику которых было нельзя понять с помощью здравого смысла.

В период между первой и второй мировыми войнами значительное число антропологов служили в МИДе и Министерстве по делам колоний Англии. Быстрое развитие этнологии происходило после Второй мировой войны в период разрушения мировой колониальной системы.

Шире всего исследования проводились в США. С 50-х годов XX века правительство и спецслужбы США стали активно привлекать антропологов и этнологов для прикладных исследований в Латинской Америке, а также к участию в разработках, связанных с войной во Вьетнаме. Говорилось, например, что антропологи США были косвенно причастны к свержению правительства Альенде в Чили. Это вызвало кризис в научном сообществе. В 1970-е годы в США работали две трети антропологов и этнологов всего мира. Они вели работы во всех частях света, к тому же и в самих США начался новый виток обострения этнических проблем.

Начиная с 80-х годов XX века, когда произошло взрывное нарастание межэтнических противоречий и конфликтов во всех многонациональных государствах, исследования этничности и посвященная этому предмету литература стали быстро расширяться.

7. Язык обществоведения, которым мы пользуемся, был создан в Европе молодым буржуазным обществом. В нем отразилась определенная картина мира и определенная антропология – представление о человеке. Ему была присуща жесткая *натурализация* (биологизация) человеческого общества. Как говорят, «социал-дарвинизм» возник гораздо раньше самого дарвинизма. Перенесение понятий из жизни животного мира («джунглей») в человеческое общество мы видим уже у первых философов капитализма.

Из представлений об этносах как сообществах, соединенных кровнородственными (биологическими) связями, возникло и представление об этничности, которое господствовало в западной науке до недавнего времени. Оно получило название *примордиализм* (от лат. *primordial* – изначальный).

Согласно этому учению, этничность рассматривается как *объективная* данность, *изначальная* характеристика человека. Иными словами, этничность есть нечто, с чем человек рождается и чего не может выбирать. Этничность является *органичным* образованием – *вещью*, которая запечатлена в человеке и от которой он не может избавиться. Она неизменна, как пол или раса (хотя в последнее время кое-кто стал менять и свой пол, и даже расу).

Как считают современные этнологи, «примордиализм возник при изучении этнических конфликтов, эмоциональный заряд и иррациональная ярость которых не находили удовлетворительного объяснения в европейской социологии и представлялись чем-то инстинктивным, «природным», предписанным генетическими структурами народов, многие тысячелетия пребывавших в доисторическом состоянии».

Примордиалистов разделяют на два направления: *социобиологическое* и *эволюционно-историческое*. С точки зрения социобиологии этнос есть сообщество особей, основанное на биологических закономерностях, преобразованных в социальные. Биологический

примордиализм был характерен для романтической немецкой философии с ее мифом «крови и почвы», от нее он был унаследован и основоположниками учения марксизма.

Среди серьезных ученых примордиалистов такого рода в настоящее время очень немного, тем не менее, миф крови время от времени реанимируется даже в среде элитарных интеллектуалов.

Этнолог Э. Кисс пишет об этой установке придавать этничности характер природной сущности, записанной в биологических структурах человека: «Общности, как и те значения, что мы им придаем, формируются в ходе исторического процесса... Тенденция считать нации "чем-то заданным изначально" является всего лишь иллюстрацией более общей склонности людей к натурализации (объяснению исторических процессов с точки зрения законов природы – прим. пер.) исторических событий. В то время как для определения человеческого рода в качестве природной категории существуют истинные биологические основания, нации являются конструкциями историческими, но все виды национализма, включая и культурный, склонны рассматривать нации в качестве естественных или, по крайней мере, очень древних коллективов. Это, однако, иллюзия».

8. Как только в России был взят курс на построение буржуазного общества, в общественное сознание также стали внедряться биологизаторские представления о человеческом обществе. Эта программа была форсированной и быстро вовлекла в себя даже ту часть идеологизированных ученых, которые этот подход отвергают.

Историк и политолог, эксперт «Горбачев-фонда» В. Д. Соловей пишет: «Русскость – не культура, не религия, не язык, не самосознание. Русскость – это кровь, кровь как носитель социальных инстинктов восприятия и действия. Кровь (или биологическая русскость) составляет стержень, к которому тяготеют внешние проявления русскости».

8. Д. Соловей изобретает доктрину, совершенно противоречащую традиционным русским представлениям. В.В. Кожин в статье «Русская идея» пишет: **«Традиция самоопределять себя не по крови, а по культуре и государственной принадлежности дала на Руси поразительные примеры. Возьмем две такие грандиозные фигуры XVII века, как патриарх Никон и идеолог старообрядчества протопоп Аввакум. И тот, и другой были чистокровными мордвинами, но относили себя к русским – так же, как русским считал себя грузин князь Багратион – один из героев Отечественной войны 1812 года... Князь Игорь, о котором идет речь в «Слове о полку Игореве», был на три четверти половец и, конечно же, говорил в детстве на половецком языке, потому что мать и бабушка его были половецками. В жизни все было сложнее, чем на картине Ильи Глазунова, где с одной стороны мы видим белокурого русского князя Игоря, а с другой – его противника косоглазого половеца».**

9. В своей радикальной форме примордиализм трактует «этнос как биосоциальное явление, соединяющее естественную природу с обществом». При этом указывают на тот факт, что общности, из которых возникают этносы, – род и племя – представляли собой «расширенные семьи», продукт развития кровнородственных связей. Отсюда следовало, что соединяющие этнос связи имеют биологическую природу.

Против такой трактовки есть ряд сильных доводов.

Во-первых, далеко не все народы прошли в своем развитии через этап родового деления. Л.Н. Гумилев приводит случаи, когда этническая общность соединялась независимо от кровнородственных связей: «Случается, что религиозная секта объединяет единомышленников, которые, как, например, сикхи в Индии, сливаются в этнос, и тогда происхождение особей, инкорпорированных общиной, не принимается во внимание».

Во-вторых, новорожденные не обладают этничностью, и если младенцев передать в семью из другого народа, они «обучаются» этничности приемных, а не кровных родителей.

Антрополог К. Янг пишет: **«Человеческие существа рождаются как несформировавшиеся до конца животные, реализующие себя через культуру, которая и начинает играть роль примордиальной "данности" в общественной жизни».**

Действительно, человек уже младенцем включается в этническое пространство: его окружают предметы, присущие культуре данного этноса (одежда, украшения, утварь и т. д.), люди вокруг него говорят на языке, который становится для него родным, когда он сам еще не научился говорить. Это человеческое и культурное окружение становится для ребенка «защитным коконом» (как говорят, онтологической системой безопасности). Ребенок преодолевает страх перед неопределенностью благодаря этой защите, у него возникает чувство доверия к «своим». Его принадлежность к своему этносу воспринимается как изначальная, как примордиально данная. Таким образом, обыденное сознание людей проникнуто примордиализмом.

Антрополог Дж. Комарофф пишет: **«Достигнув завершенности и объективированности, этническое самосознание обретает большую значимость для объединяемых этой идеей людей, вплоть до такой степени, что оно начинает казаться им естественным, сущностным и изначальным данным».**

Примордиализм был включен и в модель исторического процесса, созданную Марксом и Энгельсом. В этой модели главными социальными действующими силами являются классы, этническая сторона человеческих общностей специально не обсуждается, но в неявной форме примордиализм присутствует в трактовке этничности.

Понимание этничности в духе примордиализма укоренилось и в советском истмате, в общем, без всякой рефлексии (хотя идеи социал-дарвинизма были отброшены). Обществоведы просто продолжили следовать представлениям, бытовавшим в кругах левой интеллигенции во второй половине XIX века.

В последние десятилетия *биологический* примордиализм сдал свои позиции. Однако Дж. Комарофф удивляется не тому, что исследователи отходят от представлений примордиализма, а тому, что этот отход происходит медленно: **«Поразительным здесь является живучесть этого теоретического репертуара, претерпевшего за последние двадцать лет удивительно мало изменений, несмотря на многочисленные доказательства очевидной беспомощности большей части его подходов. Сколь много еще раз, например, придется доказывать, что все случаи этнического самосознания созданы историей, прежде чем примордиализм будет выброшен на свалку истории идей, к которой он и принадлежит. Вероятно, только ирония может оказаться способной смыть его раз и навсегда».**

10. В условиях кризиса и нестабильности общества и государства этничность становится самым эффективным и быстрым способом политической мобилизации. Обращение к «крови», к солидарности «родства» легко воспринимается сознанием, сильно действует на чувства и будит коллективную память. Поэтому политик, вынужденный решать срочные задачи, почти всегда говорит на *языке примордиализма*. Иначе он не найдет общего языка с «простым человеком», который является *прирожденным примордиалистом*, потому что застаёт социальную реальность в ее уже готовой этнической форме.

Как пишут, в разных выражениях, этнологи, политик имеет перед собой социальное пространство с уже обозначенными, устоявшимися групповыми границами «этнических организмов». Политик, даже зная, что это обыденное понимание этничности неверно, не имеет в момент кризиса времени и возможности вести теоретические дискуссии и пытаться перестроить язык понятий, на котором мыслят противоборствующие группы. Он приспособляется к этому языку.

Это, в свою очередь, побуждает интеллектуалов, «обслуживающих» разные политические течения, не просто принимать язык примордиализма, но и усиливать его, насыщать

образами и «историческими фактами». Например, американский политолог Хантингтон в книге 1996 года предсказывает «столкновение цивилизаций», якобы вызванное различием иррациональных культурных представлений Запада и исламского мира, возникших в незапамятные времена. Так образуется порочный круг, объясняющий господство примордиализма и в массовом сознании, и в сознании политизированной интеллигенции.

Преодолеть «примордиализм обывателя» можно лишь путем «молекулярного» изменения культуры и массового сознания, что достигается посредством улучшения социально-экономических условий и устранения тех факторов, которые мобилизуют этническое сознание в конфронтации с соседними народами или «центром». Это долгий и кропотливый процесс государственного, экономического и культурного строительства.

И все же важно, с какими установками подходит к этой задаче культурная элита каждого народа. Одно дело – установка на рационализацию этнического сознания, на «охлаждение» этого «реактора» и на выработку того типа национализма, который служит снижению уровня межэтнической напряженности и скреплению большой гражданской нации. Другое дело – установка на укрепление «примордиализма обывателя», легитимацию иррациональных элементов этнического сознания и «голоса крови».

Приходится признать, что по мере углубления российского кризиса наблюдается сдвиг даже самой просвещенной части российской интеллигенции к установке на примордиализм.

11. Исследования этнических проблем 60–70-х годов XX века привели к совершенно новой концепции природы этничности. Она исходит из противоположной примордиализму установки: этничность не есть нечто данное человеку изначально, она не есть «вещь», таящаяся в биологических структурах организма («крови») или в свойствах ландшафта.

Она не есть даже печать, неизгладимо поставленная на людях культурой в незапамятные времена. Этничность «конструируется» людьми в ходе их творческой социальной деятельности и постоянно подтверждается или перестраивается.

Стал складываться новый подход к представлению этничности, названный *конструктивизмом*. Конструктивизм отвергает идею врожденного, биологического характера этничности. Ученые этого направления исследовали этничность как результат деятельности социальных факторов в конкретных исторических условиях. Этничность в таком представлении понималась как принадлежность человека к культурной группе. Разные ее проявления – результат творческой деятельности различных социальных агентов (государства, власти, церкви, политических и культурных элит, окружающих «простых» людей).

При таком подходе этничность можно рассматривать как процесс, в ходе которого дается *интерпретация* этнических различий, выбираются из материала культуры этнические *маркеры*, *формируются* этнические границы, *изобретаются* этнические мифы и традиции, формулируются интересы, создается (*воображается*) обобщенный портрет этнического сообщества, вырабатываются и внедряются в сознание фобии и образы этнического врага, и т. д. Такая этничность не наследуется генетически, ей научаются. Человек обретает этническую идентичность в процессе социализации: в семье, школе, на улице.

Конструктивизм утверждался в непрерывном диалоге с примордиализмом. По мере дискуссии обнаруживалось все больше и больше существенных фактов, которые были несовместимы с постулатами об изначальной данности этнических характеристик человека.

Постулатам примордиализма противоречил опыт межэтнических браков – явления, очень распространенного во все времена. Здесь в отличие от семьи с родителями, принадлежащими к одному и тому же этносу, ребенок с младенчества вовлечен в ситуацию межэтнического взаимодействия. Он оказывается перед выбором своей собственной этничности, она ему изначально не задана. Такие дети по мере своего развития все время интенсивно

производят *структуриацию* этничности, они конструируют ее для себя из всего совокупного культурного материала. Здесь – лаборатория конструктивизма на уровне отдельной семьи.

Потом такие дети попадают из семьи в другие институты этнической социализации (школа, улица, религиозное окружение и др.). Они повсеместно и постоянно испытывают и отбирают для себя этнически окрашенные ценности, предлагаемые всеми этими институтами, и таким образом непосредственно участвуют в создании своей идентичности. Кстати, как отмечают некоторые этнологи, именно дети из таких семей («этнические маргиналы»), с детства погруженные в проблему структурирования и конструирования этничности, часто становятся активными организаторами и идеологами этнической мобилизации.

Иными словами, согласно представлениям конструктивизма, этничность является *социальной конструкцией*, которая не имеет природных («объективных») корней. Этнос – *искусственное* образование, результат целенаправленной деятельности людей на всех уровнях общества. Те культурные черты, которые используются в качестве этнических символов для сплочения общности и различения ее с «чужими» (этнические маркеры), сознательно отбираются из культуры. Им придается смысл знаков принадлежности к этносу и этнической солидарности, при этом что-то отсеивается и забывается, а что-то принимается общественным сознанием и даже приобретает священный смысл. Ученые и писатели создают историю этноса, его предание и мифы, другие интеллектуалы вырабатывают национальную идеологию и осуществляют идеологическое воздействие («этнизуют массу»).

В упрощенной и огрубленной форме говорят, что этнические доктрины изобретаются элитой – писателями, учеными, политиками. Затем эта доктрина внедряется в сознание потенциальных членов этноса при помощи различных средств культурного воздействия. Так членам общности задаются их социальные роли, осуществляется «этническая мобилизация» населения. Нередко в качестве активных «этнических предпринимателей» выступают представители теневого политического или даже преступного групп, преследующих конъюнктурные цели, не отвечающие интересам общности.

В большом обзоре Э. Кисс пишет о создании ряда европейских народов в XIX веке: **«Аспект искусственности в строительстве наций особенно очевиден в случае стран Восточной и Центральной Европы. Нации этого региона возникли в результате деятельности так называемых "будителей" [термин, конкретно относящийся к Чехии начала XIX века – прим. ред.] – филологов, писателей и других интеллектуалов, чья сознательная деятельность в XIX веке была направлена на формирование национальных языков и самосознания. В некоторых случаях подготовленные этими будителями языковые реформы требовали стандартизации и модернизации языков с уже сложившимися литературными традициями, в других же – требовалось создание письменного языка на основе одного из местных диалектов. Будители придумывали новые слова, составляли словари и грамматики, основывали газеты и журналы. Насколько сильным было брожение по поводу языков в Европе девятнадцатого века, видно из того, что число "стандартных" письменных языков выросло от 16 в 1800 году до 30 в 1900 году и до 53 в 1937 году...**

Один из наиболее известных чешских будителей Ян Коллар происходил из семьи, говорившей на словацком диалекте, но при этом он отказывался признать самостоятельный словацкий язык (что отстаивал словацкий будитель Людовит Штур) и предлагал идею единого чехословацкого языка и единой нации. История деятельности будителей изобилует лингвистическими парадоксами. Многие из них не могли вначале даже говорить на языках, за которые они выступали, а весьма значительная часть продолжала писать свои работы на более признанных языках. Делегаты Первого Всеславянского конгресса говорили на немецком языке, а чешский будитель Ян Коллар продолжал писать на немецком в течение всей своей жизни; многие болгарские буди-

тели также продолжали писать на греческом. Янеш Блайвайс, издатель влиятельной словенской газеты, рассчитанной на крестьян и ремесленников, согласился стать ее редактором прежде, чем сам научился говорить по-словенски».

Практика создания этнических символов и этнической идеологии показывает, что речь идет не о научно-исследовательской деятельности, а именно о конструировании, о прикладной «опытно-конструкторской разработке», которая завершается «внедрением».

12. Здесь надо сделать важное предупреждение методологического характера. Признание конструктивизма научной концепцией этничности, основанной на более верных, нежели примордиализм, предположениях и постулатах, вовсе не означает, что надо принимать и поддерживать и те политические программы, которые опираются на эту концепцию. Научное знание нейтрально по отношению к добру и злу, это всего-навсего лишь *инструмент*. Те, кто владеет методологией конструктивизма, оказываются *сильнее* тех, кто исходит из постулатов менее эффективной методологии. Но они могут применить эту силу и во вред интересам конкретной социальной или этнической общности. Знание и его идеологическое использование – вещи совершенно разные. Особенно это относится к тем проблемам, в которых знание и идеология очень сильно переплетены.

А.Г. Здравомыслов, А.А. Цуциев пишут: «**Российский конструктивизм, интерпретируя этнические процессы, одновременно стремится наращивать с помощью своих интерпретаций ресурс тех из этих процессов, которые он полагает благотворными для страны. Теория вовлечена в "творческое символическое действие". Отсюда ясно, что конструктивизм предстает как теория нациестроительства – т. е. определенная идеология**».

Сообщество российских интеллигентов, мыслящих этничность в понятиях конструктивизма («российский конструктивизм»), расколото в отношении того, что считать «благоприятным для страны», в той же мере, что и другие сообщества.

Тем не менее, обладание силой более верного знания в целом полезно и потому, что предохраняет от *неосознанных* угроз. Тот факт, что принятый в советское время способ понимания и *рассуждений* об этничности выводился из примордиализма, разоружил наше общество и сделал его беззащитным против взрыва этничности в 80–90-е годы XX века, является фундаментальным независимо от политической или идеологической позиции. Если бы интеллигенция и власть рассуждали на языке конструктивизма, было бы легче предвидеть последствия многих фатальных решений и разоблачить махинации разрушительных теневых и преступных действий.

Для нас в России проблемы этничности имеют особую значимость. Мы погрузились в глубокий и затяжной кризис, из которого придется выбираться еще очень долго. Взрыв этничности, порожденный культурным и политическим кризисом перестройки, был подпитан развалом хозяйства. Грубое и даже насильственное разрушение общей мировоззренческой матрицы советского народа, глумление над символами национального самосознания и подрыв коллективной исторической памяти создали в массовом сознании провал, который мог быть заполнен только различными версиями идеологий, включающих этнические составляющие. И московские, и местные элиты, и теневые, в том числе преступные, силы в России и за ее рубежами использовали эти конъюнктурные идеологии в целях мобилизации людей для решения своих политических и экономических задач, часто разрушительных. Те, кто пытался этому сопротивляться, не имели инструментов, чтобы понять происходящее, и не имели языка, чтобы его объяснить людям.

Вызванные реформой расколы общества по социальным основаниям под давлением кризиса приобретают этническую (и региональную) окраску. Сращивание этнических и социальных характеристик – общее явление, особенно в традиционных обществах. *Этнизация*

ция социальных групп (и наоборот) – важная сторона социальной динамики, которая может быть целенаправленно использована и в политических целях. М. Вебер не раз указывает на взаимосвязь этнических и социальных факторов на примере выделения евреев, в частности, в их обособлении от крестьян, составлявших до XIX века большинство населения Европы. Вебер формулирует вывод в очень жесткой форме – *любая* коллективная общность людей может приобрести черты этнической.

В послепетровский период России произошла *вестернизация* дворянского сословия – сословные различия стали принимать черты этнических. А.С. Грибоедов писал: **«Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые еще не успели перемешаться обычаями и нравами».**

Этнизация социальных групп происходит и сверху, и снизу. Историк А. Кустарев пишет: **«Беднота способна быть этнически партикулярной [т. е. отличаться от других этнически – С.К-М], и так бывает, на самом деле, очень часто. Менее очевидно, но более интересно то, что длительное совместное проживание в условиях бедности порождает тенденцию к самоидентификации, весьма близкой к этнической (вспомним еще раз замечание Вебера об относительности различий между социальной и этнической общностью). Изоляция вследствие бедности – один из механизмов зарождения партикулярности, которая в любой момент может быть объявлена этнической».**

Чем дальше развивается этот кризис и чем большие зоны сознания и обыденной жизни охватывает создаваемый реформой хаос, тем сильнее обостряется у человека потребность вновь ощутить себя частью целого, частью устойчивой социальной общности, создающей если не реальные, то хотя бы иллюзорные защиты стабильного бытия. И в этой ситуации вечного переходного периода самым доступным и очевидным ответом становится идентификация себя с этнической группой. Этническая принадлежность в обществе, столь уродливо расколотом социальными противоречиями, оказывается едва ли не единственной консолидирующей силой. Реформа генерирует и радикализует этничность в России.

Нарушение этнического равновесия вследствие интенсивных потоков миграции испытывают сейчас и Россия, и ряд других постсоветских республик. Недостаток знания и неверные представления об этничности сегодня очень дорого обходятся и мигрантам, и местному населению, и государству.

Мы не можем закрывать на это глаза в надежде, что все образуется само собой. Мы даже не можем ожидать, что эти проблемы осознает и разрешит государство – и оно, и политические партии, и все институты общества не на высоте этих проблем. Процессы возникновения, демонтажа и пересборки всей этнической структуры России носят «молекулярный» характер и протекают на всех уровнях общества. Мы все лично – их участники и действующие лица. Мы сможем овладеть этой частью нашей трагической реальности только в том случае, если все примем участие в ее изучении, трезвом осмыслении и осторожном обсуждении на всех площадках и форумах.

Лекция 5

Демонтаж народа

Наше государство и общество переживают длительный глубокий кризис, но до сих пор нет ясного изложения его природы. Общество больно, но каков диагноз?

Чаще всего на первый план выдвигается описание *социальных* последствий кризиса – захирело хозяйство, много бедных, трудно прокормить ребенка. Но почти очевидно, что это следствие какой-то более глубокой причины. Да, меняется состояние стабильных ранее социальных групп (например, идет *деклассирование* рабочего класса), но разве можно этим объяснить противостояние на Украине или войну в Чечне, пассивность большинства и его равнодушное отношение и к приватизации, и к перераспределению доходов?

Надо преодолеть ограничения подходов, загоняющих всю жизнь общества за узкие рамки интересов *социальных* групп, и посмотреть, что происходит со *всей системой связей*, объединяющих людей в общности, а их – в общество. Тогда мы сразу увидим, что гораздо более фундаментальными, нежели классовые (социальные) отношения, являются связи, соединяющие людей в *народ*, т. е., связи в основном *этнические*.

При таком взгляде главная причина нашего состояния видится в том, что за двадцать лет демонтирован, «разобран» главный субъект нашей истории, создатель и хозяин страны – *народ*. Все остальное – следствия. И пока народ не будет вновь собран, пока его расчлененные части не будут окроплены «мертвой водой», а «живая вода» не вернет ему надличностных памяти, разума и воли, не может быть выхода из этого кризиса. Не кризис это, а *Смута*, особая национальная болезнь, которая нефtedолларами и ОМОНОм не лечится.

Идея *разборки* и *создания* народов нам непривычна, поскольку нам внушили, будто общество развивается по таким же законам, как и природа. Мол, зарождаются в природе *виды* растений и животных, так же естественно зарождаются и развиваются *народы* у людей. В действительности все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются* и *конструируются*. Это – явления культуры, а не природы. Об этом мы начали говорить в прошлой лекции.

Надо ли понимать термин *демонтаж народа* как метафору, как будто народ разбирают, как машину? Если сравнивать с машиной, то да, это метафора. А если считать машину всего лишь наглядным и не слишком сложным примером *системы*, то слова *демонтаж народа* придется принять как нормальный технический термин. Потому что народ – именно система, в которой множество элементов (личностей, семей, общностей разного рода) соединены множеством типов связей так, что целое обретает новые качества, несводимые к качествам его частей. *Общество* — тоже система, но структурированная существенно иначе, нежели народ. Об обществе и его состоянии будем говорить позже.

Связи, соединяющие людей в народ, поддаются исследованию и целенаправленному воздействию. Раз так, можно создать и *технологии* такого воздействия. Эти технологии создавались с момента возникновения народа и государства – в рамках традиционного «ремесленного» знания. Теперь они создаются и совершенствуются на научной основе. Если есть технологии воздействия на связи между людьми, значит, народ можно «разобрать», демонтировать – так же, как на наших глазах был демонтирован рабочий класс или научно-техническая интеллигенция постсоветской России. Ничего мистического в этом нет, надо просто знать, как устроены те или иные связи, собирающие людей в сплоченные общности разного типа.

Если какая-то технологически продвинутая и имеющая ресурсы сила производит демонтаж народа нашей страны, то исчезает общая воля, а значит, теряет силу и государство

– *государство остается без народа*. При этом ни образованный слой, мыслящий в понятиях классового подхода, ни политические партии, «нарезанные» по принципу социальных интересов, этого даже не замечают. В их когнитивных структурах (понятийном аппарате, запасе значимых фактов и теоретических моделей) эти процессы не видны.

Бывало ли такое, чтобы народы «разбирали», чтобы угасали их память, разум и воля? Не просто бывало, а и *всегда* было главной или вспомогательной причиной национальных катастроф, поражений, даже исчезновения больших стран, империй, народов. В большинстве случаев нам неизвестны причины таких катастроф, историки лишь строят их версии. Сами же современники бывают слишком потрясены и подавлены бедствиями момента, чтобы вникнуть в суть происходящего.

Почему римляне равнодушно отдали свою империю и великий город варварам, которые в техническом и организационном плане стояли гораздо ниже римских инженеров, военных и администраторов? О производительных силах и говорить нечего. Куда делась империя скифов, соединившая земли от Алтая до Дуная? Как собрались монголы в огромный народ с огромным творческим потенциалом и почему он был «разобран» всего через триста лет? Почему русские, за короткий срок построившие державное Московское царство и присоединившие Сибирь, в начале XVII века пережили приступ *самоотречения*, посадили себе на престол авантюриста, а царь прятался от польских патрулей где-то в костромских болотах?

Почему, наконец, великая Российская империя в феврале 1917 года, по выражению В.В. Розанова, «слиняла в два дня»? Кучка петербургских масонов виновата? Да масоны всего лишь воткнули нож в спину обессиленным «самодержавию, православию и народности». И бессилие это готовилось, уже на стадии необратимой деградации, целых десять лет. Это описано даже в стихах того времени, например, у Александра Блока. 24 июля 1908 года он написал:

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома.

После 1907 года, когда старая государственность не смогла вобрать в себя энергию революции, а просто *подавила* ее, кое с какими косметическими улучшениями, начался быстрый демонтаж старого имперского народа – и в феврале 1917 года полк личной охраны государя, набранный исключительно из георгиевских кавалеров, нацепил красные банты.

Как любая большая система, народ может или развиваться и обновляться, или деградировать. *Стоять* на месте он не может, застой означает распад соединяющих его связей. Если это болезненное состояние возникает в момент большого противостояния с внешними силами (в условиях горячей или холодной войны), то оно непременно будет использовано противником, и всегда у него найдутся союзники *внутри* народа: какие-то курбские, масоны, диссиденты, сепаратисты и пр. Посмотрите сегодня на Ливию или Сирию.

И едва ли не главный удар будет направлен как раз на тот механизм, что *скрепляет народ*. Повреждение этого механизма, по возможности глубокая разборка народа – одно из важных средств войны во все времена. В наше время в западных армиях возник даже особый род войск – для ведения *информационно-психологической* войны. Но мы в это не верили и на уроках прошлого не учились.

Раньше и сами «люди из народа», и государи это прекрасно знали и о сохранении народа как целого непрерывно пеклись, охраняли его *связность*. Потом мы увлеклись западными экспортными идеями: одни уперлись в идею классов, другие – в идею гражданского общества. О народе просто забыли. У нас даже мало кто знает, *когда* возник русский народ и *каким образом* он был собран. Не учили этому в школе и не надоумили задуматься самим. Спросите об этом студентов – большинство даже удивится таким вопросам.

О том, как собираются народы, какими связями соединяются в них люди, какие механизмы непрерывно «прядут» эти нити, нужно читать целый курс, хотя все это изложено в учебниках современной научной этнологии. Но здесь мы примем, как факт, что во второй половине XX века народ «исторической России» (и всех ее союзных республик, включая РСФСР), существовал как *советский народ*. Когда с середины 1970-х годов Запад (как противник СССР в холодной войне) начал большую программу, определенно направленную на демонтаж советского народа, наше общество и государство восприняли эту весть как обычную буржуазную пропаганду. В целом это не вызвало беспокойства даже в защитных службах государства. «Броня крепка и танки наши быстры», а с такой-то угрозой, конечно же, без труда справится ведомство Сулова.

В момент смены поколений (1980-е годы) была предпринята форсированная операция. Разрушению духовного и психологического каркаса советского народа была посвящена большая культурная программа. Демонтаж народа проводился сознательно, целенаправленно и с применением сильных технологий. Предполагалось, что в ходе реформ удастся создать новый народ, с иными качествами («новые русские», теперь говорят «средний класс»). Это и был бы *демос*, который должен был получить всю власть и собственность. Ведь *демократия* – это власть демоса, а гражданское общество – «республика собственников»! «Старые русские» («совки»), утратив статус народа, были бы переведены в разряд охлоса, лишенного собственности и прав.

Выполнение этой программы свелось к холодной гражданской войне государства и этого наспех сколоченного нового народа («новых русских») со старым (советским) народом. Новый народ был все это время вблизи от рычагов власти. Против большинства населения (старого народа) применялись средства информационно-психологической и экономической войны.

Экономическая война внешне выразилась в лишении народа его общественной собственности («приватизация земли и промышленности»), а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников села. Резкое обеднение и резкое обогащение привели к изменению *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов) всего населения. Это означало глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушало его мировоззренческое ядро.

Воздействие на массовое сознание в *информационно-психологической* войне имело целью непосредственное разрушение *культурного ядра* народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства: власти, армии, школе, даже Академии наук.

В результате экономической и информационно-психологической войн была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. Сдвиги и в сознании, и в образе жизни были инструментами демонстрации того *народа*, который составлял общество и на согласии которого держалась легитимность советской государственности. Защитные системы советского государства и обще-

ства не нашли адекватного ответа на новый исторический вызов. К 1991 году советский народ был в большой степени «рассыпан» – осталась масса людей, лишенных национальной информационной системы и не обладавших «надличностным» сознанием и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

Социологи пишут: **«В 1992–2002 гг. по общероссийской выборке фиксировались изменения в социальном самоопределении российских граждан или ответах на вопрос, кого опрашиваемые считают «своими» группами и общностями... Ближайшее окружение – семья, друзья, коллеги – образует устойчивый базовый комплекс социального самоопределения. Идентификации с большими общностями нестабильны... Главными ресурсами выживания остаются персональные сети взаимодействия, поскольку только знакомые и близкие вызывают *доверие и чувство защищенности*»** [47].

В этом состоянии у населения России отсутствует ряд качеств народа, необходимых для выработки проекта и для организации действий в защиту хотя бы своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает ее лишен больной человек, который еще вчера был зорким, сильным и энергичным.

Как уже было сказано, за вторую половину XX века процесс разборки и строительства народов стал предметом исследований и технологических разработок, основанных на развитой науке. Население собирается в народ на общей мировоззренческой матрице (вокруг общего «культурного ядра»). Ее надо постоянно строить, обновлять, «ремонттировать». Но против нее можно и совершать диверсии – подтачивать, подпиливать, взрывать.

У государства с подорванным «культурным ядром» резко ослаблен суверенитет. Власть в нем легко свергается просто при помощи спектакля, построенного на голом отрицании и возбуждении эмоций. Это показали «оранжевые революции». Свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания *этносов*. Бесплезно пытаться защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями.

Сохранение народа и жизнеспособность государства

Внешние атрибуты державы, и вообще независимой страны, – сильная государственность и наличие национального проекта, понятого и поддержанного большинством общества. Но за ними стоит главное – существование *народа*. В народе, в отличие от населения, люди, семьи, общности связаны так, что «целое больше суммы частей». Здесь возникает мнение народное, народная сила, которых нет даже в сотнях миллионов «свободных индивидов», они – как куча песка.

Народ и государство – две ипостаси страны, два лица ее держателя. Они и болеют вместе, хотя и по-разному. Народ рассыпается, детей не рожают, к горю ближних равнодушны. Государство утрачивает авторитет (легитимность), чиновники распродают страну по частям. Обязанность и народа, и государства – *беречь* друг друга.

Одним из губительных дефектов нашего общественного сознания стала убежденность, будто народ, когда-то возникнув (по воле Бога или под влиянием космических сил, пассионарного толчка и др.), не может пропасть. Считается, что для его исчезновения требуются по меньшей мере подобные по силе проявления божественных или природных воздействий – такого масштаба, что мысли и дела самих людей повлиять на это не могут.

Это представление принципиально ложно. Народ, в отличие от биологических популяций живых существ, возник не в ходе естественной эволюции. Это творение культуры, причем недавнее, требующее для своего существования уже сложной общественной организации. Например, русский народ возник совсем недавно – за XIV–XVI века. А ведь уже до этого у восточных славян была своя государственность, общая религия и развитая культура. Но чтобы собрать их в народ, требовалось создать еще множество особых связей между людьми – так, чтобы большая общность, расселенная на обширной территории, почувствовала себя огромной *семьей*. Мы – русские. Но эти связи можно и порвать!

Разве когда-нибудь мы задумывались о том, что народ надо сохранять? Разве говорились нам в школе, вузе, в СМИ, что для этого необходимы такие-то и такие-то усилия и средства? Нет, мы как будто получили народ от предков как *данность* и даже не думали, что он нуждается в охране, уходе, «ремонте». С 1991 года народ России стал таять количественно. Объявили о *демографической* катастрофе, но при этом речь шла не о народе как системной целостности, а о «*населении*». Из заявлений на демографическую тему вовсе не следует признания того факта, что существование народа может быть под угрозой, даже если население, как совокупность *индивидов*, прирастает. А ведь это именно так – население может сохраниться и увеличиться, но при этом лишиться качества народа как субъекта истории.

На деле жизнь народа сама по себе вовсе не гарантирована, нужны непрерывные усилия по ее осмыслению и сохранению. Это – особый труд, требующий ума, памяти, навыков и упорства. Как только этот труд перестают выполнять, жизнь народа деградирует, иссыкает и утрачивается. Народ жив, пока все его части – власти, воины, поэты и обыватели – непрерывно трудятся ради его *сохранения*. Одни охраняют границы «родной земли», другие возделывают землю, не давая ей одичать, третьи не дают разрастись опухоли преступности. Все вместе берегут и ремонтируют центральную мировоззренческую матрицу, хозяйство, тип человеческих отношений. Кто-то должен строго следить за «универсумом национальных символов» – не позволять, чтобы вредители или недалекие политики озорничали около него, меняя то праздники, то Знамя Победы.

Эту работу надо вести как непрерывное строительство, как постоянное *созидание* этнических и национальных связей между людьми. Но созидание и сохранение – задачи все же во многом разные. Здесь таится опасность ошибки. Возникает иллюзия, что каждодневное применение тех самых инструментов, при помощи которых был *собран* народ, гарантирует

и его *сохранение*. На деле это не так, в чем мы могли не раз убедиться. И окружающий мир, и сам народ непрерывно изменяются. Значит, должны меняться и инструменты, и навыки. Это – процесс творческий и чреватый конфликтами. И попытка его «заморозить» (консерватизм), и попытка его радикально «освободить» («убрать все завалы на его пути») могут привести к катастрофическому ослаблению или разрыву связей.

В этом смысле схожи судьбы складывавшейся нации Российской империи и вполне уже сложившегося советского народа. Обе эти общности обладали большой энергией и пережили период быстрого развития. Но социальные и культурные условия стали тормозить это развитие – и начался распад связей, который был использован заинтересованными политическими силами (антиимперскими в прошлом и антисоветскими в наше время) для активного *демонтажа* народа. Ослабление связности народа – средство любой холодной войны, что прямо отражено даже в наставлениях и руководствах (например, США).

В начале XX века кризис был взорван «снизу», и в России оказалось достаточно организованных сил, чтобы произвести пересборку народа и подгонку условий, отвечающих его чаяниям. При назревании очередного кризиса в конце XX века инициатива была перехвачена альянсом «верхов» (части номенклатуры), «низов» (преступного мира) и внешних сил (геополитических противников СССР на Западе). Разрушение страны (СССР как «империи зла») с необходимостью означало и разрушение ее народа. «Рассыпание» народа как раз и стало главной причиной глубокого затяжного кризиса.

Доктрина демоса и охлоса

К 1991 году этот демонтаж был проведен на глубину, достаточную для ликвидации СССР при полной недееспособности всех защитных систем государства и народа. После 1991 года эта программа демонтажа была продолжена с некоторой потерей темпа вследствие нарастания стихийного, неорганизованного сопротивления «контуженного» перестройкой народа.

Прочтение, уже «после битвы», основных текстов доктрины перестройки показывает, что ликвидация советского народа как особой полиэтнической общности была целью *фундаментальной*. Эта операция велась в двух планах: как ослабление и разрушение ядра советской гражданской нации, *русского народа*, и как разрушение системы межэтнического общежития в СССР и Российской Федерации. Интенсивно разрабатывался тезис, что никакого советского народа (нации) не существует и что обитающие в СССР народы системной общностью не являются.

Но исподволь стала культивироваться еще более фундаментальная мысль, что население СССР (а затем РФ) вообще не является *народом*, а народом является лишь скрытое до поры до времени в этом населении особое меньшинство. В середине 80-х годов XX века эти рассуждения поражали какой-то абсурдной элитарностью, но большинство просто не понимало их смысла. Точно так же не поняло оно и смысла созданного в конце 1980-х годов понятия «*новые русские*». Оно было воспринято как обозначение обогатившегося меньшинства, хотя изначально разрабатывалось как обозначение *нового народа* – тех, кто отверг «дух Отечества». При введении самого термина «новые русские» было сказано, что к ним принадлежат те, кто отверг «русский Космос, который страшнее Хаоса» (выражение киноcritика Плахова).

Политики, которые конструировали этничность «новых русских», определенно считали их **нацией**. В газете «Утро России» (февраль 1991 года) – органе партии Демократический союз (В. Новодворской), ее главный редактор В. Кушнир писал в статье «Война объявлена, претензий больше нет»:

«Рано или поздно, осыпаясь оплеухами, мы перейдем наш Рубикон и тогда все изменится. Вот почему я за войну... После взрыва, ведя войну всех со всеми, мы сумеем стать людьми... Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации».

Ненависть возникающего в революции-перестройке «нового народа» к прежнему народу была вполне осознанной. В элитарном журнале «Век XX и мир» была статья-манифест «Я – русофоб». Там говорилось: **«Не было у нас никакого коммунизма – была Россия. Коммунизм – только следующий псевдоним для России. Я – русофоб. Не нравится мне русский народ. Не нравится мне само понятие «народ» в том виде, в котором оно у нас утвердилось».**

Собирание в новый народ всех таких русофобов предполагало подрыв этнических и гражданских связей большинства населения и изъятие у него прерогатив, прав и обязанностей народа. К 1991 году самосознание «новых русских» как народа, *рожденного революцией*, вполне созрело. Их лозунги, которые большинству казались антидемократическими, на деле были именно *демократическими* – но в понимании западного гражданского общества. Потому что только причастные к этому меньшинству были *демосом* (то есть народом), а остальные остались «совками».

Г. Павловский писал в июле 1991 года: **«То, что называют "народом России" – то же самое, что прежде носило гордое имя "актива" – публика, на которую возлагают расчет. Политические "свои"...»** [107].

Это самоосознание нового «народа России» пришло так быстро, что удивило многих из их собственного стана – им было странно, что это меньшинство, боровшееся против лозунга «Вся власть – Советам!» исходя из идеалов демократии, теперь «беззастенчиво начертало на своих знаменах: «Вся власть – нам!» Историк этнографии С.А. Токарев еще в 1964 году предлагал ввести в антропологию наименование *демос* для обозначения основного типа *этнической* общности рабовладельческой формации – свободных людей, рабовладельцев.

Отношение к тем, кто программу новой власти признавать не желал, с самого начала было крайне агрессивным. В «Московском комсомольце» поэт А. Аронов писал об участниках первого митинга оппозиции в 1992 году: **«То, что они не люди – понятно. Но они не являются и зверьми. "Зверье, как братьев наших меньших..."**, – сказал поэт. **А они таковыми являться не желают. Они претендуют на позицию третью, не занятую ни человечеством, ни фауной».**

Интеллектуал из Института философии РАН, выступая в 1999 году в «Горбачев-фонде» перед лицом бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС, говорил такие вещи: **«Британский консерватор скорее договорится с африканским людоедом, чем член партии любителей Гайдара – с каким-нибудь приматом из отряда анпилловцев».**

Вдумаемся: философ, который считает себя *демократом*, на большом собрании элитарной интеллигенции называет людей из «Трудовой России» *приматами*. Только потому, что они пытались, чисто символически, защитить свои ценности, причем именно демократические ценности человеческой солидарности. Чтобы не замечать чудовищности своих высказываний, требовалось действительно возомнить себя демосом и в глубине души отказать большинству (охлосу) в правах человека.

Доктрина такой сегрегации населения излагалась еще до краха советского государства. Предполагалось, что на первом этапе реформ будут созданы лишь «оазисы» рыночной экономики, в которых и будет жить *демос* (10 % населения). В *демократическом* государстве именно этому демосу и будет принадлежать власть и богатство. Ведь *демократия* – это власть *демоса*, а гражданское общество, как писал Локк, – «республика собственников»!

Прежде такое представление о народе в России почти никому не приходило в голову, на Западе же проблематика гражданского общества, в котором население разделяется на две общности, собранные на разных основаниях и обладающие разными *фактическими* правами, и поныне продолжает быть предметом политической философии. И в момент Французской революции, и в марксизме середины XIX века, и сегодня западная политическая философия включает в народ лишь *часть* (причем иногда очень небольшую) населения страны. Именно этой части принадлежат особые права, на основании которых она и отделяется от остального населения более или менее жестким барьером.

Эту же мысль развивает В.А. Тишков в статье «О российском народе» (2006): **«Общество, прежде всего в лице интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Таковым может быть только согражданство, территориальное сообщество, т. е. демос, а не этническая группа, которую в российской науке называют интригующим словом этнос, имея под этим в виду некое коллективное тело и даже социально-биологический организм. Из советской идеологии и науки пришли к нам эти представления, которые, к сожалению, не исчезли, как это случилось с другими ложными конструкциями»** [140].

Такова концепция официального главы российской антропологии, академика и директора Института РАН: в нынешней России «интеллектуальная элита вместе с властями» фор-

мирует *демос*, «которому принадлежит это государство». В демос будет входить зажиточное меньшинство, а остальная часть населения превращается в «некое коллективное тело и даже социально-биологический организм».

Доктрина выделения из всего населения небольшого демоса вовсе не ушла в историю с «проектом Ельцина». В. Новодворская пишет в 2009 году: **«Либералы должны усвоить, что демократия – это не народовластие. Народовластие может привести и к фашизму, и к коммунизму. Демократия – это власть просвещенного народа, который готов собраться под святое знамя либерализма. Декларация прав человека, Пакт о гражданских и политических правах, американская Конституция – вот Евангелие западника, российского либерала»** [105].

Она даже готова к тому, что российским либералам, которые уверовали в это «Евангелие западника», придется, как ранним христианам, пережить в катакомбах торжество охлоса: **«Долгие годы, может быть, десятилетия либералам придется наблюдать торжество хамского, охлократического порядка, ибо путинская диктатура – это диктатура черни по мандату черни».**

Последнее обвинение несправедливо, в «путинской диктатуре» статус демоса приписывается «среднему классу», численность которого в России оценивается в 7–12 %. 28 ноября 2008 года программное заявление на эту тему сделал В. Сурков. Он сказал: **«Если 1980-е были временем интеллигенции, 1990-е десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса, достаточно обширного среднего класса. И не просто появление и становление, но и выход на историческую сцену. Потому что российское государство – это его государство. И российская демократия – его. Россия – их страна. Медведев и Путин – их лидеры. И они их в обиду не дадут»** [134].

Сейчас защищать средний класс «его государство» предполагает экономическими средствами. В начале реформ защищать демос от бедных (от *бунтующих люмпенов*) должна была реформированная армия с новыми ценностными ориентациями. *Охлос*, лишенный собственности, предлагалось держать под жестким контролем.

Весной 1991 года в типичной статье была дана формула этой доктрины: **«Демократия требует наличия демоса – просвещенного, зажиточного, достаточно широкого «среднего слоя», способного при волеизъявлении руководствоваться не инстинктами, а взвешенными интересами. Если же такого слоя нет, а есть масса, где впритирку колышутся люди на грани нищеты и люди с большими накоплениями, масса, одурманенная смесью советских идеологием с инстинктивными страхами и вспышками агрессивности, – говорить надо не о демосе, а о толпе, охлосе. Надо сдерживать охлос, не позволять ему раздавить тонкий слой демоса, и вместе с тем из охлоса посредством разумной экономической и культурной политики воспитывать демос»** [53].

Сразу же была поставлена задача изменить тип государства – так, чтобы оно изжило свой *патерналистский* характер и перестало считать *все* население народом (и потому собственником и наследником достояния страны). Теперь утверждалось, что *настоящей* властью может быть только такая, которая защищает *настоящий* народ, т. е. «республику собственников».

В требованиях срочно изменить тип государственности идеологи *народа собственников* особое внимание обращали на армию – задача создать наемную армию была поставлена сразу же, еще до ликвидации СССР. Для этого надо было превратить армию из «защитницы трудового народа» в армию карательного типа. Когда мы читали эти тексты в элитарных журналах в 1991 году, они казались бредом сумасшедшего, а на деле говорилось о программе, над которой долго корпели «лучшие умы» мировой элиты.

Д. Драгунский пишет: **«Поначалу в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан... Надо отметить, что у жителей этого светлого круга**

будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей кромешной (то есть внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ окажется не только экономическим или социальным – он будет еще и правовым... Но для того, чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестоком виде, особую роль призвана сыграть армия.

Армия в эпоху реформ должна сменить свои ценностные ориентации. До сих пор в ней силен дух РККА, рабоче-крестьянской армии, защитницы сырых и обездоленных от эксплуататоров, толстосумов и прочих международных и внутренних буржуинов. Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее – защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас принято уже семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь...» [52].

Говоря об этом разделении его сторонники в разных выражениях давали характеристику того большинства (охлоса), которое не включалось в народ и должно было быть отодвинуто от власти и собственности. Г. Померанц пишет: «Добрая половина россиян – вчера из деревни, привыкла жить по-соседски, как люди живут. Найти новые формы полноценной человеческой жизни они не умеют. Их тянет назад... Слаборазвитость личности – часть общей слаборазвитости страны. Несложившаяся личность не держится на собственных ногах, ей непременно нужно чувство локтя» [112].

Изменились ли эти установки околовластной элиты? Нет, в социальном плане – несколько. Вот недавние откровения «прораба перестройки», многолетнего декана Экономического факультета МГУ, сегодня ректора одного из университетов – Т.Х. Попова: «При формировании государственных структур надо полностью исключить популистскую демократию. Один человек должен иметь один голос только при выборах верхней палаты, обеспечивающей права человека. А при избрании законодательной палаты гражданин должен иметь то число голосов, которое соответствует его образовательному и интеллектуальному цензу, а также величине налога, уплачиваемого им из своих доходов» [113].

На идеологию реформ сильно повлияла связь доктрины новой этнической структуры России с глобализацией. Без глубокого демонтажа народа было невозможно создание того *демоса*, который взял бы на себя функцию контроля за населением и «цивилизованной» передачи национального достояния глобальным хозяевам. По выражению А.С. Панарина, «атомизация народа, превращаемого в диффузную, лишенную скрепляющих начал массу, необходима не для того, чтобы и он приобщился к захватывающей эпопее тотального разграбления, а для того, чтобы он не оказывал сопротивления» [108, с. 31].

В конце 1980-х и начале 1990-х годов речь шла о том, что в постсоветской России будет сконструирован один демос, заменивший «размонтированный» прежний народ. Сейчас некоторые аналитики склоняются к тому, что будет создаваться множество новых малых народов (и «переформатированных» прежних этносов), которые и станут разрывать Россию.

Есть прогнозы, что «оранжевая» революция в России пойдет по пути создания целого ряда новых народов, в разных плоскостях расчленения общества – так, что легитимность государства федерации будет подорвана. Так, Так, Р. Шайхутдинов прогнозирует, что лидеры «прозападного» народа потребуют от российской власти: «Отпусти народ мой» (так обращались евреи к фараону). Куда отпустить? В Европу [150].

Надо вспомнить, что на завершающей стадии перестройки идея *исхода* вовсе не была ветхозаветной метафорой. Она уже была «активирована» и стала действенным политическим лозунгом, так что СССР вполне серьезно уподоблялся Египту (см. [117]).

Раскол народа: богатые и бедные

Если в духовном плане соединение в народ требует наличия общего культурного ядра (мировоззрения, понятий о добре и зле), общего образа «благой жизни», то в плане материальном требуется общий для народа «образ жизни», принадлежность к одному типу цивилизации. Иными словами, не должно быть слишком глубокого расслоения по доступности основных благ, как в социальном (между группами и классами), так и в национальном плане (между народами и народностями России). Это – те плоскости, в которых уложены главные связи, соединяющие людей в народы. Связи общего хозяйства, общей культуры, общей памяти. Для России обе эти плоскости всегда были одинаково важны и связаны неразрывно. Болезни социальные всегда принимали у нас национальную окраску – и наоборот. В обеих этих плоскостях за последние двадцать лет произошли срывы и катастрофы.

Сегодня самым глубоким расколом население России считает разделение между богатыми и бедными. Это надежно установленный социологами факт. Да и без социологов этот разлом видят все – и богатые, и бедные. Это разделение – необходимая тема в национальной повестке дня России. Одним народом ощущают себя люди, ведущие совместимый, понятный всем частям народа *образ жизни*. Иными словами, когда социальное расслоение народа достигает «красной черты», социально разделенные общности начинают расходиться и приобретают черты разных народов.

Такое наложение и сращивание этнических и социальных признаков – общее явление. *Этнизация* социальных групп – важная сторона политических процессов. Сходство материального уровня жизни ведет к сходству культуры и мировоззрения, отношения к людям и государству, моральных норм. Напротив, возникновение резкого отличия какой-то группы по материальному положению, по образу жизни, отделяет ее от тела народа, делает членов этой группы отщепенцами или изгоями.

В России социальный разлом в XIX веке в конце концов «рассек народ на части» – вплоть до Гражданской войны, начавшейся с крестьянских волнений 1902 г. Крестьяне воевали со своими соплеменниками-помещиками как с иным, враждебным народом. Классовое и этническое чувство превращаются друг в друга (см. [123]).

В начале XX века на социальный раскол наложился и раскол мировоззренческий. Такие расколы возникают, когда какая-то часть народа резко меняет важную установку мировоззрения – так, что остальные не могут с этим примириться. Расколы, возникающие как будто из экономического интереса, тоже связаны с изменением мировоззрения, что вызывает ответную ненависть.

Эта история сегодня повторяется в худшем варианте. В годы перестройки социал-дарвинизм стал почти официальной идеологией, она внедрялась в умы всей силой СМИ. Многие ею соблазнились, тем более что она подкреплялась шансами поживиться за счет «низшей расы». Этот резкий разрыв с традиционным представлением о человеке проложил важнейшую линию раскола.

Богатые стали осознавать себя особым, «новым» народом и называли себя *новыми русскими*. Но «этнизация» социальных групп происходит не только сверху, но и *снизу*. Реформа делит народ на две части, живущие в разных цивилизациях и как будто в разных странах – на богатых и бедных. И они расходятся на два враждебных народа. Этот раскол еще не произошел окончательно, но мы уже на краю пропасти. От тела народа «внизу» отщепляется общность людей, живущих в *крайней* бедности – «социальное дно», составлявшее в 2003 году около 10 % городского населения или 11 млн человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети. Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6 % – высшее.

Отверженные были выброшены из общества с демонстративной жестокостью. О них не говорят, их проблемами занимается лишь МВД, их жизнь не изучает наука, в их защиту не проводятся демонстрации и пикеты. Их не считают *ближними*. Так, им де факто отказано в праве на медицинскую помощь, при этом практически все бездомные *больны*, их надо прежде всего лечить, класть в больницы. Больны и 70 % беспризорников. Им не нужны томографы за миллион долларов, им нужна теплая постель, заботливый врач и антибиотики отечественного производства – но именно этих простых вещей им не дает нынешнее российское общество.

Государственная помощь столь ничтожна по масштабам, что это стало символом отношения к бедным. К концу 2003 года в Москве действовало 2 «социальных гостиницы» и 6 «домов ночного пребывания», всего на 1600 мест – при наличии 30 тыс. *официально учтенных* бездомных. Зимой 2003 года в Москве замерзло насмерть более 800 человек. Для сравнения вспомним, что в 1913 году на 1,5 млн жителей Москвы было 150 богаделен и несколько десятков ночлежек – и при этом российское общество тяжело переживало зло бездомности.

«Дно» непрерывно «перемалывает» втягиваемую в него человеческую массу (смертность бездомных составляет 7 % в год при среднем уровне для всего населения 1,5 %). Столь же непрерывно оно засасывает в себя пополнение из бедной части населения. Сложился слой «придонья», в который входят примерно 5 % населения (7 млн человек). Принадлежащие к этому слою люди еще в обществе, но с отчаянием видят, что им в нем не удержаться [119].

Это – пропасть, отделяющая от народа общность изгоев в размере около 18 млн человек – целый народ большой страны. При этом и благополучное большинство меняется, потому что признать бедственное положение своих братьев и сограждан как приемлемую норму жизни – значит порвать с традиционной культурой. Вся бедная часть по мере исчерпания унаследованных от советского времени ресурсов начинает отделяться от «среднего класса» и сдвигаться вниз, в цивилизацию трущоб. Россия обретает черты двойного общества, в котором практически складываются нормы апартеида.

А что мы видим не в социальном, а территориальном измерении? Тот же процесс – регионы расходятся по разным цивилизационным нишам. Связность страны утрачивается просто потому, что уклады жизни людей в разных частях уже не соединяют их. Разница в 10–12 раз между регионами в среднем доходе на душу населения означает разрыхление народа и страны, даже если она формально не расчленяется.

Тут и таится первая и главная опасность для России – продолжается демонтаж народа.

Приложение

Вот развернутое рассуждение Г. Павловского о «его народе», интеллигенции:

«Русская интеллигенция вся – инакомыслящая: инженеры, поэты, жида. Ее не обольстишь идеей национального (великорусского) государства. Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность «республиканских великорусов» едва ли поместится... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека.

Русский интеллигент является носителем суверенитета, который не ужился ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой... Великий немецкий философ Карл Ясперс прямо писал о праве меньшинства на гражданскую войну, когда власть вступает в нечестивый союз с другой частью народа – даже большинством его – пытаясь навязать самой конструкции государства неприемлемый либеральному меньшинству и направленный против него религиозный или политический образ.

Что касается моего народа – русской интеллигенции, а она такой же точно народ, как шахтеры, – ей следует избежать главной ошибки прошлой гражданской войны – блока с побеждающей силой. Не являясь самостоятельной политической силой, русская либеральная интеллигенция есть сила суверенная – ей некому передоверить свою судьбу суверенного народа» [107].

А.С. Панарин отмечает, что в кризисном обществе РФ отодвинутое от политического волеизъявления большинство не признается народом: **«Технологическая система современной демократии отвергает само понятие народа как устойчивой коллективной личности, проносащей через все перипетии истории, через все изменения политической конъюнктуры выпуклые национальные качества» [108, с. 260].**

Он считает даже, что переход от советского плебисцитарного типа выборов как общего одобрения политики государства к выборам как политическому рынку, на котором конкурируют разделенные группы электората, было вообще невозможно без предварительной атомизации сложившихся в советском обществе социальных структур. Для этого требовалось, по его словам, **«максимально возможное дистанцирование отдельных индивидов – особенно из народных классов – от своей социальной группы, от групповой картины мира и групповых (коллективных) ценностей. Персонажем электоральной системы может быть не тот рабочий, который всегда со своим классом, а тот, которого в ходе избирательной кампании можно убедить покинуть классовую нишу рабочих и проголосовать за представителей других партий. Только при условии такого свободного дистанцирования от групп, когда индивиды ведут себя как свободные электроны, покинувшие классовую орбиту, из них можно формировать текучий демократический электорат, меняющий свои очертания от одних выборов к другим. Устойчивые коллективные групповые сущности здесь противопоказаны, а народ как устойчивая коллективная сущность – тем более» [108, с. 217].**

В книге *Исход* сказано: **«В полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, который сидит на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота. И сделался великий вопль во всей земле Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца... И сделали сыны Израилевы по слову Моисея и просили у Египтян вещей серебряных и вещей золотых**

и одежд. Господь же дал милость народу Своему в глазах Египтян: и они давали ему, и обобрал он Египтян».

Главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдшмидт писал в «Независимой газете» в 1994 году: «Гематрия, один из разделов Каббалы, где дается объяснение явлениям на основе числовых значений слов и понятий, показывает нам, что сумма числовых значений слова «Мицраим» – «Египет» и «СССР» одинаково. Так же и ситуация сейчас во многом сходна» [117].

В 1905 году сход крестьян дер. Куниловой Тверской губ. писал: «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков» [123].

Лекция 6

Разрушение межнационального общежития

Одной из важных ипостасей России является созданный в ней за несколько веков способ совместной жизни множества народов – в одном государстве и на огромной территории.

Россия изначально сложилась как страна многих народов («многонациональная»). Ядром, вокруг которого собрались народы России, был русский народ, который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен. Их «сплавило» Православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык и культура.

Российская империя как государственно-национальная система строилась на других основаниях, чем другие большие государства Европы. По выражению кадета П.Н. Милюкова, до XVI века это было *военно-национальное* государство – феодальные владыки и племенные вожди принимали российское подданство как средство избежать порабощения более опасными агрессивными соседями. В XVI–XVII веках на южных и юго-восточных границах России войны происходили каждый год, на западных – примерно каждый второй год. Главная угроза уже шла с Запада.

Во время войн отвоевывались захваченные другими государствами территории. Устойчивости жизни на вошедших в Россию территориях резко не менялись, они управлялись с помощью местной знати. Чаще всего она и ставила вопрос о присоединении к России, которое нередко признавалось в столице уже после того, как происходило де-факто на местах. Правящая элита Российской империи с самого начала складывалась как многонациональная. По переписи 1897 года только 53 % потомственных дворян назвали родным языком русский.

Каждая большая страна уникальна и неповторима. И Россия самобытна во всех ее проявлениях. Одно из ее открытий – особый тип общежития народов. На огромном пространстве была создана империя *неколониального* типа. Беря «под свою руку» новые народы и их земли, эта империя не превращала их в подданных второго сорта, эксплуатируемых имперской нацией. Земли шли в общий котел, а народы принимались в общую семью. Элита этих народов, даже покоренных военной силой, автоматически включалась в дворянство, которое было правящим сословием всей России. Так, сын имама Шамиля, взятый в плен после долгой и тяжелой Кавказской войны, становился генералом российской армии.

Это – не обычная в мировой политике вещь. Военное сословие Золотой Орды постепенно влилось в офицерство русского войска не за деньги и не из страха. Оно обрусело, для него Россия уже стала *их* страной. Когда в 70-е годы XIX века происходило присоединение к России Средней Азии (в том числе и с применением военной силы), индийские наблюдатели вели очень интересные сравнения с тем, как действовала английская администрация в Индии. Замечали, среди прочего, что в России такой-то генерал – мусульманин, а другой – армянин, и оба командуют армиями. А «каждый английский солдат лучше дезертирует, нежели согласится признать начальником туземца, будь он хоть принц по крови», – писала индийская газета.

В общем, за пять веков в России был выработан сложный и даже изощренный тип межнационального общежития. Его принципам следовала и верховная власть, и местные начальники, и элита, и сами народные массы – что-то поправляя, что-то обновляя, учась предвидеть и гасить конфликты, находить компромиссы. Чем этот тип отличался от других известных «моделей»? Отличия сразу видны.

Царское правительство принципиально отказалось от политики планомерной ассимиляции нерусских народов с ликвидацией этнического разнообразия (как это произошло со славянскими племенами в Германии к востоку от Эльбы). Слишком слаб был и капитализм

России для того, чтобы оказать свое унифицирующее воздействие. Не вела активной деятельности по христианизации и православная церковь – на Кавказе и в Средней Азии она практически совсем отказалась от проповеди.

Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, подобных тому, как очистили для себя Северную Америку англо-саксонские колонисты. Здесь не создавался «этнический тигель», сплавлявший многонациональные потоки иммигрантов в новую нацию (как в США или Бразилии). Здесь не было и апартеида, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах (мы часто слышали об апартеиде ЮАР, но иммигрантские гетто во Франции – тоже вариант апартеида).

В России не было самого понятия *метрополии*, не было и юридически господствующей нации. Окраины империи обладали большими льготами, неправославное население было освобождено от воинской повинности. Управление и суды приравнивались к «вековым народным обычаям».

В результате в Российской империи возникла сложная государственная система с множеством укладов, норм и традиций. В жизни подавляющего большинства населения господствовал общинный уклад, а по своим принципам жизнеустройства российское общество было *традиционным*, а не гражданским. Жесткого воздействия на этногенез народов России государство не оказывало.

В III Государственной Думе представитель мусульманской фракции заявил принципиальную вещь: **«Между нашим национальным бытием и русской государственностью никакой пропасти не существует; эти две вещи совершенно совместимы»**. Как отмечают сегодня специалисты, это – выраженная на современном языке максима этнополитики, исключительно высокая оценка государственности¹⁰.

Высокая степень равноправия подданных разной национальности, отказ от политики ассимиляции и веротерпимость государства способствовали укреплению и расширению межэтнических связей народов России. У этих народов имелся общий *значимый иной* – русские. Они были с нерусскими народами в интенсивных и разнообразных контактах, шло распространение русского языка и русской культуры, что усиливало связи других народов не только с русским ядром, но и между собой. Эти связи уже имели длинную историю и вошли в этнические предания. Не будет преувеличением сказать, что для большинства полиэтнического населения Российской империи совместная жизнь в одном государстве с русскими ощущалась как историческая судьба.

Как же можно определить тип межэтнического общежития, который сложился в России. По всем признакам, в ней складывалась большая *полиэтническая нация*, но нация своеобразная, не соответствующая тем образцам и понятиям, которые были выработаны на Западе. Поэтому слово «нация» и не употреблялось в отношении подданных Российской империи, это слово подразумевало *национализм* и ассимиляцию народов, которую как раз и отвергала концепция национально-государственного устройства России. В формулу этой концепции входила *«народность»* – идея сохранения народов в единой семье.

Во внешнем мире Россия в конце XIX века понималась именно как нация, как носитель большой и самобытной национальной культуры. Общероссийское сознание зрело и в массе населения. Народы России долго жили в одном государстве, пребывание в котором обеспечило им два важнейших для их национальной консолидации и самосознания условия: защиту от угрозы внешних нашествий и длительный период политической стабильно-

¹⁰ Даже богатая часть евреев, интересы которой вступили в противоречие с нормами сословного общества и монархической государственности, вовсе не перешла целиком в лагерь противников Империи. Так, автором знаменитой фразы Столыпина «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!», которую так любят повторять наши «белые» патриоты, был видный еврейский деятель И.Я. Гурлянд. Он и писал речи Столыпину, а тот был прекрасным оратором и зачитывал их всегда по тетрадке.

сти. Уже это стало источником высокого уровня *лояльности* государству и его символам. Красноречивым подтверждением ее был тот факт, что татары-мусульмане, не обязанные нести воинскую повинность, сформировали воинские отряды, которые принимали участие в Крымской войне против их единоверцев-турок. Даже во время польского мятежа 1863 года лишь несколько десятков из многих тысяч офицеров-поляков (а они составляли тогда до ¼ офицерского корпуса) изменили присяге.

Однако созиданию российской нации противодействовал целый ряд процессов разрушения скрепляющих ее связей. Эти процессы преследовали разные цели, за ними стояли разные социальные силы, но объективно они сходились в главном – они вели демонтаж культурного ядра русского «имперского» народа и той своеобразной гражданской нации, которая возникала в начале XX века.

Демонтаж «имперского» русского народа вели практически все западнические течения: и либералы, и революционные демократы, и социал-демократы. В какой-то мере в этом участвовали и анархисты с их радикальным отрицанием государства.

Национально-государственная конструкция, созданная в России, обладала исключительной гибкостью и ценными качествами, которые не раз спасали страну. Но в то же время в ней были источники напряжения и хрупкости. В первой трети XIX века модернизация и европейское образование сделали популярными в элите *федералистские* идеи. Декабристы разрабатывали две программы государственного устройства: Пестель – унитарного и Никита Муравьев – федерального. В федерализме стала вызревать идея России как *федерации народов*. В целях обретения союзников в борьбе против имперского государства прогрессивная интеллигенция со второй половины XIX века вела непрерывную кампанию по дискредитации той модели межэтнического общежития, которая сложилась в России, поддерживала сепаратистские и антироссийские движения – в Польше и в Галиции. Миф о «бесправии» украинцев использовался для экстремистских нападок на царизм, но рикошетом бил и по русским как народу. В пропаганде применялся символический образ России как «тюрьмы народов».

Не будем здесь разбирать миф о «тюрьме народов» и «бесправных инородцах». Упомянем лишь тот факт, что «инородцы» нехристианских вероисповеданий вообще никогда не состояли в крепостной зависимости, а для крестьян прибалтийских народов крепостная зависимость были отменена еще при Александре I. В тот момент, когда в США шла борьба за отмену рабства насильно завезенных туда инородцев, в России происходило освобождение от крепостной зависимости большей части *«имперской нации»*. Менее известен тот совершенно немыслимый в «западных» империях факт, что в Российской империи борьба инородцев за свои права начиналась чаще всего при попытках правительства *уравнять* их в правах с русскими.

Антиимперские настроения усилились с проникновением в Россию западного капитализма. Буржуазия, как и в Европе, тяготела к *национальному* государству. В начале XX века возникли национальные революционные движения и партии с сепаратистскими установками. Вообще националистические антироссийские настроения культивировались в тончайшем слое этнических элит. Но пока монархическое государство было крепким, даже они предпочитали пребывать под его защитой и пользоваться его ресурсами.

Революция 1905–1907 годов на время сплотила буржуазию и землевладельцев национальных регионов вокруг царской власти как самой надежной защиты. Классовый страх был сильнее национализма буржуазии – из 164 депутатов IV Государственной думы, избранных от национальных окраин, 150 были сторонниками «единой и неделимой» России. Но как только монархия была ликвидирована в феврале 1917 года, империя рассыпалась – национализм этнических элит для этого уже созрел. После краха монархии в среде этнических

элит стало преобладать стремление к «огосударствлению наций» – начался распад империи, вызванный не отпадением частей, а разрушением центра.

Государство в этом разрушительном повороте элиты встало на сторону привилегированных слоев – и углубило раскол народа, а затем и кризис этнического самосознания русских. Этот кризис, в начале XX века, самосознания «имперского» русского народа отражен во многих текстах современниками. Февральская революция сокрушила государственность России. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Керенский отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* февральской революции.

В феврале 1917 года Российская империя, по выражению В.В. Розанова, «слиняла в два дня». Это в большой мере произошло потому, что ее растащили «по национальным квартирам». Было разрушено здание межнационального общежития. Не отставала и элита русских областей. Резко усилилось сибирское «областничество» – движение за автономию Сибири. Конференция в Томске (2–9 августа 1917 года) приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири» в рамках федерации с самоопределением областей и национальностей и даже утвердила бело-зеленый флаг Сибири. Сибирский областной съезд постановил, что Сибирь должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь Сибирскую областную думу и кабинет министров. Предусматривалась возможность преобразовать саму Сибирь в федерацию. Противниками областничества были только большевики. После Октября 1917 года Сибирская дума не признала советскую власть, и большинство ее депутатов были арестованы.

В ходе Гражданской войны рассыпанная империя была «пересобрана» на новой социально-политической основе – в форме СССР. Возможность этого была обусловлена тем, что подавляющее большинство населения России было организовано в крестьянские общины, а в городах несколько миллионов грамотных рабочих, проникнутых общинным мировоззрением, были организованы в трудовые коллективы. Они еще с 1902 года начали «снизу» сборку нового, уже *советского* имперского народа – обдумывали проект его жизни, в том числе национальной.

В сфере мировоззрения большую роль сыграли большевики. Они провели синтез представлений крестьянского общинного коммунизма с марксистской идеей модернизации и развития – но по некапиталистическому пути. Так на целый исторический период была закрыта цивилизационная пропасть в российской элите – между западниками и славянофилами¹¹.

Это привлекло в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии). Так проект революции стал и большим проектом *нациестроительства*, национальным проектом.

Мирного времени для этой работы не хватило – матрицу для пересборки страны пришлось достраивать в Гражданской войне. Февральская революция была *антиимперской*. В ходе ее в разных частях России возникли национальные армии или банды разных окрасок. Все они выступали против восстановления единого централизованного государства. Большевики с самого начала видели Россию как легитимную исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировали *общероссийскими* масштабами (в этом смысле их идеология была «имперской»). В 1920 году нарком по делам националь-

¹¹ Ю.В. Ключников, редактор журнала «Смена веков» (в прошлом профессор права Московского университета, а во время Гражданской войны министр иностранных дел у Колчака), объяснял (1921), что большевики – «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества».

ностей И.В. Сталин сделал категорическое заявление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо.

Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии, всегда рассматривались красными как явление *гражданской* войны, а не *межнациональных* войн. Красная Армия, которая действовала на всей территории будущего СССР, была той пассионарной группой (в понятиях Л.Н. Гумилева), которая стягивала народы бывшей Российской империи обратно в единую страну.

Именно в Гражданской войне народ СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровью»). Территория СССР была защищена обустроенными и хорошо охраняемыми *границами*. И территория, и границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве (в том числе, в песнях, ставших практически народными), и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство *советского пространства* было в русском ядре советского народа.

В населении СССР возникло общее *хорологическое* пространственное чувство (взгляд на СССР «с небес») – общая ментальная карта. Территория всей страны была открыта для граждан СССР любой этнической принадлежности, а границу охраняли войска, в которых служили юноши из всех народов и народностей СССР. Все это стало скреплять людей как граждан одной страны.

В советской системе те принципы «семьи народов», на которых собиралась Россия, были укреплены и дополнены важными экономическими, политическими и культурными механизмами. Важную роль в сборке страны сыграла *единая общеобразовательная школа*, давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР и к русской литературе, и к общему господствующему типу рациональности. Через русский язык народы СССР подключились к универсальной мировой культуре и осуществили быструю и мягкую модернизацию.

Согласно переписи 1979 года, 81,9 % всего населения СССР (215 млн человек) свободно говорили по-русски или считали русский родным языком¹². В 1970 году таких было 76 % населения. При этом широкое использование русского языка сочеталось с устойчивым сохранением родного языка своей национальности: в 1926 году свой родной язык сохраняли 94,2 % населения, в 1970 году 93,9 % и в 1979 году 93,1 %. Это значит, что в СССР сложилась специфическая *билингвистическая национально-русская культура*.

Выросшая из русской культуры советская школа приобщила детей и юношество всех народов СССР к русской классической литературе. Этого не могло обеспечить социальное устройство царской России.

Другим агентом такого собирания стала *Советская армия*, через которую с 30-х годов XX века проходила большая часть мужского населения (при этом в армии было принято рассылать солдат в отдаленные от их «малой родины» места). Полиэтническими поселениями стали в СССР крупные города, которые превратились в центры интенсивных межнациональных контактов. Мощное объединяющее воздействие оказывали СМИ, задающие общую, а не разделяющую, идеологию и общий тип дискурса (языка, логики, художественных средств и ценностей).

Наконец, все этнические общности СССР были вовлечены в единое народное хозяйство. Оно изначально создавалось как экономическая система, которая позволила бы всем народам СССР избежать втягивания в капитализм как «*общество принудительного и безумного развития*». В начале XX века почти у всех народов России, и прежде всего у русских, было сильно ощущение, что в таком обществе жизнь для них станет невозможна (эти догадки, в общем, оказались прозорливыми).

¹² Советский народ был связан языком сильнее, чем, например, американская нация. 14 % населения США вообще не говорит по-английски.

Советское предприятие, по своему социально-культурному типу единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. Это – уникальная хозяйственная конструкция, созданная *русскими рабочими из общинных крестьян*. Она возникла еще до советской власти, но свои классические черты приобрела в 30-е годы XX века. По типу этого предприятия и его трудового коллектива было устроено все хозяйство СССР – как единый крестьянский двор. Семей в этом дворе и стал *многонациональный народ*.

Насколько эффективной была эта модель национально-государственного устройства, показала Великая Отечественная война, в которой впервые все народы на равных выполняли воинский долг.

Таким образом, в советское время продолжился процесс, который шел уже при монархии, – формирование большой многонациональной «гражданской» *нации* с общей мировоззренческой основой, общим миром символов, общими территорией и хозяйством. Это и предопределяло прочность системы межнационального общежития.

В конце перестройки и в 1990-е годы о советском народе наговорили много странных вещей – и справа, и слева. Сейчас идеологический накал снизился, в литературе появляются спокойные суждения специалистов. В.Ю. Зорин в книге «Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива» (2003) пишет об СССР и его правовой основе: **«В его рамках действительно сформировалась новая полиэтническая общность со своей четко выраженной социокультурной спецификой, идеологией, ментальностью, стереотипами поведения, ценностями и критериями духовной жизни»** [58].

Этой точки зрения придерживается и известный исследователь национального вопроса в СССР П. Кольсте. Он считает процесс становления гражданской нации в Российской Империи и СССР непрерывным. Согласно его точке зрения, дореволюционная Россия была надэтнической «сверхнацией», ядро которой составлял русский этнос, а верхушка обладала державным, имперским, но не национальным самосознанием. В СССР также сложилась надэтническая нация «советский народ».

Даже по мнению антисоветского социолога Ю. Левады «советский народ» – суперэтническая категория, синтезирующая идею государственности и национальной идентичности («семья народов»). По его словам, в советское время эта категория **«подавляла и заменяла остальные социогрупповые идентичности, прежде всего этнические»**. Это сказано как обвинение, но речь идет о том, что в советском обществе этничность отдельных народов была выражена слабее, чем общегражданская идентичность – что и является признаком гражданской нации [87].

Строительство СССР было большим цивилизационным проектом мирового масштаба. В подобных проектах взаимодействуют массовое *обыденное сознание* («здравый смысл» народов), *теория* (в понятиях которой мыслит правящая элита) и *утопия* (идеальный образ будущего – «стремление вдаль, братяющее нас»). Здравый смысл (преимущества совместной жизни в большой сильной стране) побуждал большинство поддерживать связность советского народа. Это проявилось на референдуме 1991 года и во множестве последующих исследований. Утопия (братство народов в единой семье) также сохранила свою сплачивающую силу вплоть до ликвидации СССР. К несчастью, принятая в марксизме и унаследованная советским обществоведением теория этничности и нации была ошибочной и в принципе негодной для проектирования и строительства народа именно в Советском Союзе, где революция произошла «не по Марксу».

Представление о советском народе как полиэтнической гражданской нации лежало в основе *евразийства* – целостной концепции будущего образа России, созданной в XX веке. Н.С. Трубецкой писал в 1927 году: **«Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматривае-**

мая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. ... Это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общеевразийским, т. е. евразийством... Только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части к величайшему несчастью и страданию всех ее частей» [141].

Фактически работа по созданию СССР велась с опорой на эту доктрину. Для советской власти не существовало дилеммы: сохранить национально-государственное устройство Российской империи – или преобразовать ее в федерацию республик. Задача состояла в том, чтобы *собрать* разделившиеся куски бывшей империи. Собирали могли быть проведены или в войне с национальными элитами «кусков» – или через их нейтрализацию и компромисс.

Предложение учредить *Союз* из национальных республик, а не *Империю* (в виде одной республики), нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку населения, и со стороны Советского государства гражданская война в ее *национальном измерении* была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России очень много крови. Скорее всего, иного пути собрать Россию и кончить гражданскую войну в тот момент не было. Но спорить об этом сейчас бесполезно.

Факт заключается в том, что большевики в октябре 1917 г. унаследовали национальные движения, которые вызревали уже в царской России и активизировались после Февраля. Если бы Российская империя сумела преодолеть системный кризис 1905–1917 годов и продолжить свое развитие как страна периферийного капитализма, то ускоренное формирование национальной буржуазии и национальной интеллигенции неминуемо привело бы к мощным политическим движениям, требующим отделения от России и создания национальных государств. Эти движения получили бы поддержку Запада и либерально-буржуазной элиты в крупных городах центра самой России.

Монархическая государственность с этим справиться бы не смогла, и Российская империя была бы демонтирована. Большевики в 20-е годы XX века нашли способ обуздать эти движения (а в конце XX века просоветская часть КПСС такого способа не нашла). Сегодня гораздо продуктивнее не обвинять большевиков в том, что они не совершили невозможного, а понять, каким образом они смогли так нейтрализовать этнический национализм, чтобы вновь собрать не просто единое государство, но во многих отношениях гораздо более консолидированное, нежели Российская империя. Понять это необходимо потому, что нынешнее поколение, допустив расчленение СССР, стоит перед угрозой разрушения системы межнационального общежития и в Российской Федерации, которое обернется еще более тяжелой катастрофой.

Это знание сегодня необходимо несмотря на то, что опыт 20-х годов не может быть применен в нынешних условиях. Важны не рецепты, а методология подхода к проблеме. Мы, например, почти не обращали внимания на тот смысл, который придавался социальной идее как средству ослабления власти национальных элит. Националисты не могли ничего противопоставить сплывающей силе идеи союза «трудящихся и эксплуатируемых масс» всех народов России. А в практике государственного строительства СССР удалось добиться сосредоточения реальной власти в центре с таким перевесом сил, что вплоть до 80-х годов XX века власть этнических элит была гораздо слабее центра.

Перестройка на десять лет лишила страну пространства для спокойных развернутых рассуждений. По мере угасания антисоветского психоза оценки становятся разумнее. В конце 1997 года в «демократической» газете уже читаем такое суждение: **«В национальном смысле коммунисты не только остановили хаотический распад России, но и воссоздали**

единство и территориальную целостность страны, мобилизовали народ на построение великой державы, хотя и тираническим путем. Красная Империя стала иным способом существования Империи Белой» [79].

Надо учесть и оценки западных ученых, которые изучали историю национально-государственного строительства СССР. Согласно их оценкам, модель Советского Союза была творческим достижением высшего класса¹³. Укротить на целый исторический период силу радикального национализма – это труднейшая задача, которую в тот период советское руководство решило. Сегодня сваливать на него вину за то, что в 1980-е годы удалось вновь разжечь этот радикальный национализм, чтобы разрушить СССР, – признак упадка нашей общественной мысли (см. [160]).

Итак, страну собрали как Советский Союз. Исходили при этом из реальных обстоятельств. Так была решена главная проблема момента – закончить Гражданскую войну и снова собрать историческую Россию в одну страну. Это соответствует одному из главных правил здравого смысла – каждое поколение должно решать ту критическую задачу, что выпала на его долю. Понятно, что при такой сборке страны были заморожены и преобразованы проблемы, «посеянные» в Российской империи. Их урожай пришлось собирать будущим поколениям – в 80-е годы XX века. В решении этих проблем наши поколения оказались несостоятельны.

В России начала XX века капитализм «посеял» потенциал политизированной этничности, который со временем и при определенных условиях мог вырасти до непредсказуемых размеров. Так оно и вышло – никто не мог даже в середине 1980-х годов предсказать, что вскоре через три года начнется война между Советской Арменией и Советским Азербайджаном. Это был провал обществоведения, но теперь-то надо учесть результаты последующего анализа.

Из работ американских этнологов следует, что и политика форсированной индустриализации, и советская практика укрепления традиционного «семейного единства» *тормозили* развитие национализма в союзных республиках. Иными словами, действовала большая система разнонаправленных сил, и этой системой было нужно и можно *управлять*. В течение полувека этой системой управляли умело и в целях укрепления Союза, а с середины 1980-х годов – в целях расчленения Союза (или катастрофически неумело). В этом суть дела.

В СССР на ветви развития этничность занимала в сознании людей небольшое место – мысли и чувства были заняты теми перспективами, которые открывал прогресс общества во всех его проявлениях. Социальная и географическая мобильность, доступ к учебе, творчеству, культурным ресурсам не побуждал людей к тому, чтобы замкнуться в своем этноцентризме. Как писал А.С. Панарин, **«парадокс коммунизма состоял в том, что он подарил «советскому человеку» юношеское прогрессистское сознание, преисполненное той страстной веры в будущее, которая уже стала иссякать на Западе. Молодежь всех советских республик принадлежала не национальной традиции – она принадлежала прогрессу»** [108, с. 170].

Как только идея прогресса и единое социалистическое содержание национальных культур в СССР были в конце перестройки «репрессированы» идеологически, а затем и лишились своих политических и экономических оснований, на первый план вышла агрессивная политизированная этничность, и «архитекторы» взорвали ее мину под государственностью. Уничтожение социальной основы, на которой собиралась «семья народов» («приватизация» в широком смысле слова), разрушило все здание межнационального общежития.

¹³ Даже З. Бжезинский, обсуждая варианты развития СССР в 1930-е годы, признает «изумительные достижения сталинизма» и приходит к выводу, что единственной альтернативой ему мог быть только шовинистический диктаторский режим с агрессивными устремлениями.

Сохранение его остатков в «постсоветских государствах» обеспечивается сохранением остатков советской системы. Таким образом, государство и население нынешней России оказались перед реальной *угрозой* обрушения страны как дома множества народов. Предотвращение этой угрозы или смягчение последствий катастрофы зависит от разумности стратегических решений и способности их реализовать.

Кратко вспомним этапы созревания этой угрозы. Решение перенести главное направление информационно-психологической войны против СССР с *социальных проблем* на сферу *межнациональных отношений* было принято в стратегии холодной войны уже в 70-е годы XX века. Но шоры исторического материализма не позволили советскому обществу осознать масштаб этой угрозы. Считалось, что в СССР «нации есть, а национального вопроса нет».

Антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в большой мере опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности, направленной против целого. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции. Более того, они взяты на вооружение в планах по устройству нового мирового порядка. Автор нашумевшей книги-пророчества «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон пишет: «Наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, не между бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации» [147].

В годы перестройки уже с участием властной верхушки КПСС по советской системе межнациональных отношений были нанесены мощные удары во всех ее срезам – от хозяйственного до символического. Были использованы инструменты всех больших идеологий – либерализма, марксизма и национализма. Рупором идеи разрушения Советского Союза стал А.Д. Сахаров (см. [122]). В информационно-психологической подготовке политических акций принял участие весь цвет либерально-демократической элиты. Вот несколько кратких утверждений из огромного потока программных сообщений в широком диапазоне авторов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.